„Пров 49

ГОЛОСА ИЗЪ РОССІИ

КНИЖКА IX.

ЛОНДОНЪ

TRÜBNER & Co., PATERNOSTER ROW.

1860.

Про

Герцен

АКАДЕМИЯ

124850

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Мы съ особенной готовностью и уваженіемъ издаемъ эту книжку Голосовъ изъ Россіи. *Не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ частностяхъ мы не совсѣмъ согласны съ авторомъ, мы убѣждены, что ея появленіе—полезно; въ ней слышенъ голосъ здраваго смысла въ пользу блага общественнаго. Эту статью приписываютъ г.* Унковскому. *Если это правда, то мы просимъ прощенія у почтеннаго автора, что печатаемъ ее безъ его согласія; мы получили ее въ нѣсколькихъ экземплярахъ и потому не думаемъ, чтобъ эта статья была тайна; а издаемъ ее, потому что она полезна.*

А. Герценъ, Н. Огаревъ.

СООБРАЖЕНІЯ ПО ДОКЛАДАМЪ

РЕДАКЦІОННЫХЪ КОММИССІЙ.

I.

ПО ДОКЛАДАМЪ АДМИНИСТРАТИВНАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

Приступая къ обсужденію заключеній Редакціонныхъ коммиссій по административному отдѣленію, я считалъ необходимымъ высказать, что труды коммиссіи по этому отдѣлу въ настоящемъ ихъ объемѣ не могутъ быть подвергнуты полному и добросовѣстному критическому разбору. Редакціонныя коммиссіи до сихъ поръ занимались только административнымъ устройствомъ однихъ сельскихъ обществъ и опредѣлили составъ и предметы вѣдомства сельскаго управленія, не касаясь вовсе уѣздной и губернской администраціи и отношеніи

сельскаго управленія къ высшимъ мѣстнымъ учрежденіямъ. Между тѣмъ, административное устройство сельскихъ обществъ не можетъ быть разсматриваемо отдѣльно отъ общаго мѣстнаго управленія. Здѣсь все условно, и безотносительнаго ничего быть не можетъ. Русскія сельскія общества — не отдѣльные народы, изолированные другъ отъ друга. Они живутъ одною общею жизнью, имѣютъ общіе интересы и составляютъ уѣзды, губерніи, и наконецъ государство, а потому, по необходимости должны находиться въ постоянныхъ отношеніяхъ съ одною общею центральною властью. Изъ этого необходимо слѣдуетъ, что все административное устройство края должно представлять одно неразрывное цѣлое, одинъ механизмъ, въ которомъ всѣ части должны соотвѣтствовать одна другой и вести къ одной общей цѣли. Можно-ли судить о достоинствѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей одной машины, не имѣя никакого понятія объ остальныхъ и не зная отношенія предъявляемыхъ частей къ общему ея составу? Взять на себя такое

дѣло все равно, что вызваться опредѣлить размѣры нѣсколькихъ частей для неизвѣстной машины, или судить о достоинствѣ вновь изобрѣтенныхъ часовъ по одному маятнику, или циферблату. Естественно, что въ такомъ случаѣ производство и оцѣнка отдѣльныхъ частей механизма, возможны только при дополненіи остальныхъ собственнымъ воображеніемъ производителя или цѣновщика.

По этимъ причинамъ я считаю невозможнымъ произнести *безусловное* сужденіе о Заключеніяхъ Редакціонныхъ Коммиссій по административному отдѣленію и полагаю необходимымъ, прежде обращенія къ этимъ заключеніямъ, изложить свой взглядъ на предстоящія реформы въ управленіи и тѣмъ положить условіе утвержденія или отрицанія сдѣланныхъ коммиссіями заключеній. Я считаю это необходимымъ потому, что въ противномъ случаѣ Редакціонныя коммиссіи, не зная того воззрѣнія, на основаніи котораго я буду утверждать или отрицать ихъ положенія, могутъ истолковать мои соображенія не въ истинномъ

ихъ смыслѣ. Наконецъ, я считаю это необходимымъ потому, что понимаю вполнѣ насущную потребность и безотлагательную необходимость въ измѣненіи настоящаго управленія и потому признаю всякую неоткровенность по этому предмету преступленіемъ.

Въ настоящее время новое устройство управленія является въ Россіи первою и главною потребностью. При существованіи крѣпостнаго права, настоящее управленіе, близкое по характеру своему къ вотчиннымъ крѣпостнымъ отношеніямъ, еще могло быть терпимо. Вся Россія раздѣляется на вотчины частныя и вотчины государственныя, и по всюду господствуетъ полный произволъ. Въ одной половинѣ—въ частныхъ вотчинахъ, этотъ произволъ умѣряется собственными выгодами владѣльцевъ, которые болѣе или менѣе связаны съ благосостояніемъ подвластныхъ лицъ. Въ этой обоюдной связи интересовъ коренятся до сего времени остатки прежняго патріархальнаго быта русскаго народа, того быта, при которомъ безграничный произволъ былъ явленіемъ

естественнымъ и находилъ оправданія. Другая, казенная половина Россіи, разбросанная среди частныхъ имѣній и совершенно однородная по правамъ, и быту поселянъ, не могла быть управляема иначе; сознаніе единства русскаго народа, живущее на перекоръ всѣмъ дѣленіямъ по вѣдомствамъ, брало всегда верхъ надъ всякими административными мѣрами. На перекоръ всякимъ ограниченіямъ правъ и обязанностей должностныхъ лицъ, оно сохранило до сего времени во всѣхъ вѣдомствахъ одно вотчинное произвольное управленіе съ крѣпостными обычаями. Не смотря на постоянное стремленіе верховной власти, ограничить произволъ мѣстныхъ управленій и поставить ихъ въ законные предѣлы, эти благія намѣренія никогда на дѣлѣ не исполнялись. Само правительство, видя невозможность управленія однимъ народомъ на разныхъ началахъ, противилось своимъ собственнымъ побужденіямъ и при составленіи законоположеній старалось очистить только совѣсть однимъ видимымъ приличіемъ, полагая въ самыхъ законахъ не-

замѣтныя, но не менѣе того, существенныя преграды къ ихъ исполненію. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить положеніе государственныхъ крестьянъ, имѣющихъ по видимому большія общественныя права, но лишенныхъ на дѣлѣ всякой возможности ими пользоваться. Тоже можно сказать и о правахъ всѣхъ другихъ сословій. Если само правительство охраняло систему административнаго произвола, то о низшихъ должностяхъ, лицахъ и говорить нечего. Принадлежа не сословію, имѣвшему вотчинныя права на половину Россіи, и будучи лично заинтересованы въ системѣ произвольнаго, крѣпостнаго управленія, они старались и стараются только, объ огражденіи этого порядка отъ всякихъ золъ и напастей. Такимъ образомъ во всемъ нашемъ управленіи, и даже въ судахъ, господствуетъ одинъ произволъ. Законы лежатъ подъ спудомъ въ тяжелыхъ и толстыхъ книгахъ, не имѣя никакого отношенія къ народной жизни. До сихъ поръ народъ жилъ своею жизнью и молчалъ. Помѣщичья половина Россіи молчала по слѣдующимъ при-

чинамъ : Произволъ владѣльцевъ умѣрялся отчасти ихъ собственными выгодами и нѣкоторыми остатками древнихъ, патріархальныхъ отношеній, и поэтому не казался возмутительнымъ. Все государственное управленіе было основано на произволѣ: всѣ правительственныя учрежденія уважали только званія, чины и вообще общественное положеніе, и при такомъ всеобщемъ порядкѣ вещей крѣпостные люди видѣли въ помѣщикахъ единственныхъ защитниковъ отъ притѣсненій и грабительства чиновниковъ. Наконецъ крѣпостные люди имѣли только выборъ между совершеннымъ безмолвіемъ и явнымъ возстаніемъ. Другая половина Россіи, росписанная по разнымъ вѣдомствамъ, не знала иного порядка вещей и принадлежала по нравамъ и положенію къ крѣпостному сословію, терпѣливо сносила произволъ въ своемъ управленіи, тѣмъ болѣе, что помѣстное дворянство, имѣвшее выгоду въ сохраненіи общественнаго спокойствія, умѣряло произволъ мѣстныхъ чиновниковъ, не допуская ихъ до открытаго грабежа. Дворяне-владѣльцы,

будучи въ нѣсколько враждебныхъ отношеніяхъ къ сельскому народонаселенію, уединенные отъ всѣхъ сословій и притомъ нѣсколько огражденные выборными правами отъ притѣсненій мѣстнаго управленія, могли пользоваться вотчинными правами. Чиновники, имѣвшіе личныя выгоды въ произвольномъ и неотвѣтственномъ управленіи, заботились только о благоспѣшномъ продолженіи этой системы управленія и различными средствами (цензурой и т. п.) не допускали истины до престола. Поэтому весь народъ молчалъ и сверху казалось все хорошо и покойно.

Вотъ истинныя причины, по которымъ могъ держаться до сего времени настоящій порядокъ вещей. Далѣе мы покажемъ, что при освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ этотъ порядокъ лишится всякой опоры; но прежде заглянемъ въ лицо настоящей системы управленія и посмотримъ, какъ оно существуетъ на практикѣ.

Вся исполнительная власть находится въ рукахъ чиновниковъ, бюрократовъ, чуждыхъ народу и отвѣтственныхъ предъ судомъ не

иначе, какъ только тогда, когда это будетъ угодно ихъ начальникамъ, такимъ же бюрократамъ. Вся жизнь народа взята подъ опеку правительства, а потому дѣлъ бездна. Нѣтъ ни одной мелочи, безусловно довѣренной самому народу. Все дѣлается съ разрѣшенія высшихъ властей. Народъ не смѣетъ нанять общими средствами одной подводы, или лачужки для исполненія подводной или квартирной повинности, не можетъ поставить дряннаго мостика, даже не имѣетъ права нанять общаго учителя грамоты. На все нужно позволеніе разныхъ властей. Наконецъ эта централизація доведена до того, что планы самыхъ незначительныхъ общественныхъ строеній, не стоющихъ вниманія, должны быть представляемы на утвержденіе верховной власти. При всемъ этомъ исполнительной власти вручены всѣ роды дѣлъ: и хозяйственныя и полицейскія, и судебно-слѣдственныя и даже чисто судебныя. Всякое исполнительное учрежденіе и должностное лицо имѣетъ надъ человѣческой личностью всѣ роды властей, и кругъ его дѣйствій ограниченъ

только географически. Суда въ Россіи вовсе нѣтъ, ибо нашъ судъ въ дѣйствительности не имѣетъ никакой власти. Будучи обязанъ произносить приговоръ на основаніи статей закона, регламентирующихъ всѣ роды доказательствъ, всѣ случаи, и не оставляющихъ ничего на усмотрѣніе и совѣсть судей, основываясь на письменныхъ изслѣдованіяхъ, производимыхъ *втайнѣ* исполнительными властями и, не имѣя никакой возможности повѣрять дѣйствія слѣдователей, нашъ судъ является только безполезною формальностію, машиною, исполняющую волю полновластной исполнительной власти. При всемъ томъ судебныя, должностныя лица у насъ поставлены косвеннымъ путемъ въ совершенную зависимость отъ той же власти. Вся служебная дѣятельность этихъ лицъ отдана подъ надзоръ исполнительныхъ, должностныхъ лицъ и учрежденій. Такимъ образомъ судъ у насъ не значитъ ничего и все управленіе находится въ дѣйствительности въ рукахъ однихъ исполнительныхъ властей. При этомъ порядокъ дѣлопроизводства, повсюду письменный до

послѣдней крайности. Дѣла по управленію, при ихъ безчисленномъ множествѣ, являются вездѣ, во всѣхъ исполнительныхъ учрежденіяхъ, въ видѣ огромныхъ обозовъ, наполненныхъ исписанною бумагой, для разбора которой нужны десятки и даже сотни канцелярскихъ чиновниковъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно узнать о количествѣ бумаги, исписываемой ежегодно въ любомъ губернскомъ правленіи или земскомъ судѣ. Одно количество дѣлъ, исполняемыхъ въ этихъ учрежденіяхъ въ извѣстный періодъ времени, докажетъ, что лица, которымъ поручено ихъ исполненіе, должны имѣть для этого по крайней мѣрѣ пять дней въ одни сутки. Ясно, что такая правительственная опека надъ всею жизнію народа не возможна на практикѣ и дѣлается сама причиной беззаконій. Неисполнимые законы никогда не исполняются, и даже само правительство должно снисходительно смотрѣть на исполненіе ихъ. Все это привело къ тому, что дѣла управленія находятся вовсе не въ тѣхъ рукахъ, которымъ они ввѣрены. Бо̀льшая часть ихъ

необходимо должна перейти отъ начальниковъ къ ихъ канцеляріямъ, имѣющимъ возможность казнить и миловать подчиненныхъ и дѣйствующимъ за чужою спиною и безъ всякой отвѣтственности. Естественно, что при этомъ порядкѣ вещей низшія исполнительныя учрежденія, поставленныя въ совершенную невозможность исполнять свои обязанности, не имѣющія ни какой самостоятельности и состоящія въ произвольномъ распоряженіи своихъ административныхъ начальниковъ, а всего чаще въ распоряженіи ихъ канцелярій, наполнились большею частію людьми, отказавшимися отъ своего человѣческаго достоинства и обратившими государственную службу въ самое постыдное ремесло. Ясно, что при этомъ положеніи низшихъ исполнительныхъ учрежденій, рѣдкій порядочный человѣкъ возьметъ на себя государственную должность. Даромъ никто не отдастъ свою свободу и человѣческое достоинство. Въ такое положеніе согласится стать только тотъ, кто рѣшается извлечь изъ него какія либо личныя выгоды. Съ другой стороны

чтобы держаться въ этихъ должностяхъ, необходимо ублаготворить власти, отъ произвола которыхъ зависитъ благополезное теченіе службы. Отъ этого въ большей части случаевъ, низшія исполнительныя должностныя лица, являются постоянными образчиками канцелярій высшихъ учрежденій (а иногда и самихъ начальниковъ) и при точномъ соблюденіи этого условія, могутъ безнаказанно злоупотреблять своею властью. При всемъ этомъ, въ губерніяхъ почти нѣтъ высшаго надзора за ходомъ всей администраціи. Начальникъ губерніи, которому порученъ этотъ надзоръ, находится въ странномъ положеніи. Онъ состоитъ членомъ всѣхъ губернскихъ присутствій и подписывая журналы, является участникомъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ. Мудрено—работать и въ тоже время имѣть надзоръ надъ своею работою. Трудно принимать жалобы на самаго себя!

По всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, т. е. по причинѣ неограниченной правительственной опеки надъ всею жизнію народа, соединенія всего управленія въ рукахъ одной,

неотвѣтственной исполнительной власти и совершеннаго отсутствія судебной власти, вся администрація наша представляетъ цѣлую систему злоупотребленій, возведенную на степень государственнаго устройства.

Система этого управленія, или лучше сказать злоупотребленія властію, такъ сильна и послѣдовательна, что она покрываетъ собою всю Россію, не оставляя ни одного живаго мѣста для разумно-свободной жизни. При этой системѣ нигдѣ нѣтъ права и господствуетъ одинъ низкій, необузданный произволъ, уважающій только деньги и общественное положеніе. При ней, если и встрѣчаются на службѣ благородныя личности, то они ничего не могутъ сдѣлать. При хорошемъ и дурномъ начальникѣ губерніи, идетъ одинъ и тотъ же порядокъ. Разумѣется при хорошемъ губернаторѣ не дѣлается вопіющихъ злоупотребленій, но развѣ дѣло состоитъ въ искорененіи только тѣхъ злоупотребленій, которыя выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ, и потому самому уже чрезвычайно рѣдки? Нужно искорененіе обыкновеннаго, обыденнаго гра-

бежа чиновниковъ, этой пьявки, постоянно сосущей народъ и вытачивающей изъ него живыя, производительныя силы. Но противъ этого зла, при настоящемъ порядкѣ вещей, никто не въ состояніи бороться. Это дѣло въ самой системѣ управленія, а не въ ея примѣненіяхъ. Что дѣлать начальнику губерніи, желающему преслѣдовать зло? Положимъ, что онъ слышитъ объ этихъ обыкновенныхъ злоупотребленіяхъ. Удалять безъ суда? Но развѣ возможно постоянно слѣдовать этому правилу, основываясь на однихъ слухахъ. При такомъ образѣ дѣйствій можно удалить невинныхъ. Производить слѣдствія и отдавать подъ судъ? А гдѣ у насъ слѣдователи, которыхъ дѣйствія обезпечивались бы ихъ положеніемъ, гдѣ средства повѣрять правильность ихъ изслѣдованій? Всѣ чиновники неотвѣтственны, всѣ дѣла производятся въ глубочайшей тайнѣ и печатное слово связано правительственными запрещеніями и произволомъ цензуры. Наконецъ кто будетъ способствовать открытію преступленій, при этомъ порядкѣ вещей? Народъ не участвуетъ въ

дѣлахъ управленія, его грабятъ чиновники, онъ старается избѣжать столкновенія съ ними и всякій свидѣтель бѣжитъ отъ слѣдователя, отзываясь, что онъ ничего не видалъ и не слыхалъ. Безчисленныя формальности, необходимыя при тайномъ и письменномъ дѣлопроизводствѣ, уничтожаютъ всякую возможность открывать что бы то ни было. Да и какъ уличить въ служебныхъ злоупотребленіяхъ, при нашей регламентаціи судебныхъ доказательствъ? Вѣдь служебныя дѣйствія и злоупотребленія происходятъ безъ свидѣтелей. При всемъ этомъ безчисленность и повсемѣстность злоупотеблений дѣлаютъ ихъ изслѣдованія совсѣмъ не возможными. Если при настоящемъ порядкѣ, поставить себѣ за правило изслѣдовать всѣ злоупотребленія, то надобно заготовить болѣе слѣдователей, чѣмъ числится жителей во всемъ государствѣ.

Но положимъ, что начальникъ лично убѣдился въ злоупотребленіяхъ своего подчиненнаго. Кѣмъ онъ его замѣнитъ? Кто изъ порядочныхъ людей пойдетъ на это мѣсто, при настоящихъ

условіяхъ служебной дѣятельности и въ особенности при томъ условіи, что въ этихъ то обыденныхъ злоупотребленіяхъ и заключается все возмездіе за свободу и отреченіе отъ права на разумно свободную дѣятельность? Все это приводитъ къ тому заключенію, что все зло коренится въ самой системѣ нашей администраціи и не можетъ быть устранено какими бы то ни было насильственными средствами.

Многіе говорятъ, что зло не въ системѣ, а въ людяхъ, и въ доказательство того, приводятъ права разныхъ обществъ по своду законовъ, утверждая что общества имѣютъ всѣ средства искоренить зло, но не умѣютъ пользоваться данными имъ правами. По справедливо ли это? Гдѣ же тѣ права, которыми общество могло бы воспользоваться для искорененія зла? Они существуютъ только на бумагѣ, а не въ дѣйствительности, и притомъ самыя законоположенія дѣлаютъ ихъ неосуществимыми. Начнемъ съ дворянства, которое, какъ высшее сословіе, пользуется бо̀льшими правами. Въ чемъ состоятъ его права на самомъ дѣлѣ? Оно избираетъ

должностныхъ лицъ въ нѣкоторыя судебныя и полицейскія учрежденія. Право избранія судебныхъ, должностныхъ лицъ, не можетъ имѣть большаго значенія, когда судъ не имѣетъ ни какой власти. Что же касается до низшихъ полицейскихъ должностей, то положеніе этихъ чиновъ, какъ я уже говорилъ выше, до того жалко и низко, что право выбора въ эти должности почти ничего не значитъ. Можетъ ли быть серьезная рѣчь о правѣ выбора, когда выборныя лица отдаются въ совершенно произвольное распоряженіе правительственныхъ канцелярій и когда избиратели не имѣютъ никакой возможности защитить своихъ избранныхъ отъ произвола начальства? При томъ еще выборъ этихъ лицъ долженъ быть утвержденъ начальникомъ губерніи. Одно это право утвержденія, часто уничтожаетъ совершенно выборное начало. Остальныя выборныя лица имѣли часто сословное значеніе и были посредниками въ отношеніяхъ между помѣщиками и крѣпостными людьми, или членами присутствій, въ которыхъ голоса ихъ ничего не зна-

чили вслѣдствіе огромнаго перевѣса бюрократіи. При этихъ условіяхъ, могло ли дворянство имѣть какое нибудь вліяніе въ дѣлѣ управленія? Скажутъ, что дворянство имѣло право представлять правительству о своихъ нуждахъ и пользахъ и т. д.; какъ написано въ сводѣ законовъ. Но это могутъ говорить только тѣ, которые не знаютъ практическаго примѣненія нашихъ законовъ.

Дворянство убѣдилось опытомъ въ совершенной безполезности этихъ представленій. Довольно заглянуть въ архивъ любаго дворянскаго депутатскаго собранія, чтобы признать справедливость этихъ словъ. Я приведу здѣсь одинъ только примѣръ, но весьма убѣдительный. Тверское губернское собраніе дворянства два трехлѣтія представляло правительству о томъ, что депутаты, назначаемые ими для ревизіи отчетовъ по земскимъ повинностямъ, не получаютъ никакихъ свѣденій о предметахъ расхода этихъ суммъ, и просило измѣнить формы отчетовъ, на тотъ конецъ, чтобы повѣрка ихъ была возможна; но министерство финансовъ

нашло это затруднительнымъ, и просьбы остались безъ удовлетворенія. О чемъ же будетъ представлять дворянство? Какія представленія его будутъ уважены при этомъ порядкѣ вещей? О мѣстныхъ злоупотребленіяхъ по частнымъ дѣламъ оно представлять не можетъ, потому что при тайномъ дѣлопроизводствѣ и отсутствіи гласности, эти злоупотребленія не могутъ быть хорошо извѣстны всѣмъ членамъ дворянскихъ собраній.

О злоупотребленіяхъ по общественнымъ дѣламъ? Но какія послѣдствія могутъ имѣть эти представленія? При отсутствіи гласнаго судопроизводства, правительство можетъ только требовать объясненіе отъ мѣстныхъ властей и въ большей части случаевъ должно удовольствоваться этимъ объясненіемъ. Вѣдь правительство находится къ губернскимъ властямъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ губернскія власти къ уѣзднымъ. Представляло иногда дворянство объ административныхъ злоупотребленіяхъ вообще и о мѣрахъ къ искорененію ихъ, т. е. о гласномъ судопроизводствѣ, судѣ присяжныхъ, от-

вѣтственности предъ судомъ и т. д.) Но на это смотрѣли какъ на вмѣшательство дворянства въ неприсвоенныя ему дѣла. По этому дворянство на дѣлѣ не могло имѣть почти никакого вліянія на мѣстное управленіе.

Сверхъ того надобно сказать, что никакое сословіе не можетъ совершенно отрѣшиться отъ своихъ собственныхъ интересовъ. Иначе не можетъ быть и жизни въ сословіи. Дворянство не могло сильно существовать противъ существующаго порядка управленія, потому что оно само произвольно управляло половиною русскаго народа. Освободить крестьянъ безъ помощи правительства оно также не могло. Достаточно вспомнить, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проэкты освобожденія крестьянъ считались возмутительными сочиненіями.

Духовенство, какъ сословіе, не имѣетъ никакого политическаго значенія.

Городскія сословія пользуются только нѣкоторыми личными преимуществами, но въ общественныхъ дѣлахъ совершенно безгласны. Ихъ думы и ратуши ничего не могутъ дѣлать

безъ позволенія или приказанія. На самомъ дѣлѣ городскимъ хозяйствомъ распоряжаются губернскія правленія. Притомъ правительственная опека надъ всѣмъ—подчинила торговлю и городскую промышленность, совершенному произволу полицейской исполнительной власти. Точное исполненіе нашихъ безчисленныхъ правилъ о торговлѣ до того невозможно, что полицейскій или городничій имѣетъ полную возможность во всякое время запереть всѣ лавки на законномъ основаніи. Какую же самостоятельность можетъ имѣть торговое и промышленное сословіе? Отъ того купцы и мѣщане совершенно безгласны. Ихъ головы и гласные платятъ оброки губернскимъ канцеляріямъ, и даже иногда находятся въ дѣйствительномъ подчиненіи у секретарей, назначаемыхъ начальствомъ и обыкновенно играющихъ роль посредниковъ при передачѣ оброковъ. Ратманы въ полиціяхъ исполняютъ только приказанія полицмейстеровъ и городничихъ, не смѣя подать голоса и исправляя иногда должности сторожей. Засѣдатели въ палатахъ и судахъ,

при нашемъ судопроизводствѣ, ничего не значатъ. Наконецъ собранія этихъ сословій имѣютъ право обсуживать только то, что разрѣшило или приказало начальство.

Положеніе государственныхъ крестьянъ еще хуже. Совершенная зависимость сельскихъ начальствъ отъ бюрократіи, чуждой интересамъ народа, отняло у крестьянъ всякую возможность пользоваться ихъ общественными правами. Она привела къ тому, что въ сельскіе начальники теперь не идетъ ни одинъ честный крестьянинъ. Въ этихъ должностяхъ необходимо грабить и доставлять начальству; иначе начальство всегда найдетъ причину удалить отъ должности, отдать подъ судъ, или сдѣлать такой денежный начетъ, что всего имѣнія не достанетъ на пополненіе взысканія. Найти случай къ этому начальство легко можетъ. Голова, старшина и другія должностныя лица, большею частію, едва грамотные крестьяне, а порядокъ дѣлопроизводства письменный. Между тѣмъ писать опредѣляется *по усмотрѣнію* начальства. Стоитъ только приказать писарю сдѣлать

безпорядокъ и крестьяне попались. Притомъ государственные крестьяне вовсе и не имѣютъ выборныхъ правъ. Эти права зависятъ отъ усмотрѣнія начальства, уже потому, что оно имѣетъ право утверждать прежнихъ выборныхъ на будущее время. По всѣмъ этимъ причинамъ съ правами государственныхъ крестьянъ начальство обращается безъ всякой церемоніи. Напримѣръ, законъ дозволяетъ окружнымъ начальникамъ подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію не иначе какъ по приговору міра. Чиновникъ, не смотря на это, сѣчетъ кого ему угодно, и потомъ приказываетъ писарю написать приговоръ и приложить за всѣхъ руки. Что дѣлать крестьянину въ случаѣ нарушенія его правъ? Идти жаловаться? Но куда? Прямо въ судъ жаловаться нельзя. Чиновники отвѣтственны передъ судомъ только тогда, когда ихъ найдетъ виновными административное начальство. Идти къ этому начальству? Но тамъ дѣло должно попасть въ руки именно той канцеляріи, которой чиновникъ платитъ оброкъ. Слѣдовательно, все будетъ скрыто и еще затас-

кают самаго просителя къ допросамъ и дознаніямъ. Такимъ образомъ крестьяне должны молчать и сносить терпѣливо всѣ притѣсненія.

Вотъ дѣйствительное положеніе всѣхъ нашихъ сословій. Кто же виноватъ въ этомъ порядкѣ? Одна только система управленія и безпредѣльная кротость славянской природы. Пользуясь этимъ порядкомъ, чиновники управляютъ деспотически всѣмъ народомъ, не допуская до правительства истины и замыкая всѣ отверстія, изъ которыхъ могутъ слышаться стоны подавленнаго народа. Такимъ образомъ верховная власть, не имѣя средствъ знать истинное положеніе дѣлъ—*лишена на дѣлѣ всякой власти* и самодержавіе находится въ рукахъ низшихъ чиновниковъ.

Ясно, что порядокъ этотъ вовсе не можетъ держаться по освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ. При этой реформѣ, онъ не будетъ имѣть никакой опоры. Если управленіе останется по прежнему, то помѣщичьи крестьяне должны непремѣнно подпасть подъ необузданный произволъ чиновниковъ. Въ сущности

вѣдь все равно, быть ли крѣпостными помѣщика или крѣпостными чиновника, и даже еще лучше быть крѣпостными помѣщичьими. Помѣщикъ имѣетъ выгоду въ благосостояніи крѣпостныхъ людей и власть его не переходитъ изъ рукъ въ руки. Къ произволу одного скорѣй можно привыкнуть. По этому помѣщичьи крестьяне, останутся въ такомъ же положеніи какъ теперь, если не въ худшемъ. Государственные крестьяне, какъ слышно въ деревняхъ, также ожидаютъ свободы. Чего же можно ждать отъ народа, если онъ будетъ обманутъ въ своихъ надеждахъ? Дворяне-владѣльцы не будутъ нисколько заинтересованы въ этомъ порядкѣ вещей. Чиновники навѣрно не измѣнятъ своего образа дѣйствія если будутъ неотвѣтственны по прежнему. Притомъ съ освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ непремѣнно должно увеличиться число дѣлъ, а съ ними вмѣстѣ усилится и произволъ канцелярій. Наконецъ самое объявленіе новаго положенія о крестьянахъ, при отсутствіи обезпеченія его неуклоннаго исполненія, будетъ

искрою, способною взорвать существующій порядокъ. Разсчитывать на личныя качества чиновниковъ, на перемѣну персонала въ управленіи—совершенно невозможно. Тѣ или другія личныя качества чиновника, ни болѣе ни менѣе какъ случайныя явленія и разсчитывать на случайность, *на авось*, въ дѣлѣ государственной безопасности, нельзя. Цѣль государственнаго устройства и состоитъ въ обезпеченіи личной и имущественной безопасности каждаго отъ преступныхъ стремленій. Если бы всѣ люди были безусловно хороши, еслибъ они имѣли полное сознаніе своихъ правъ и обязанностей, то не нужно бы было ни государства, ни правительства. Если бы всѣ чиновники были хороши, не нужно бы было и говорить о реформахъ. Для охраненія общественнаго порядка, нужно прочное обезпеченіе строгаго исполненія законовъ, а при нынѣшнемъ управленіи, гдѣ это обезпеченіе? Иные говорятъ, что прибавка жалованья или возвышеніе должностей разными отличіями, можетъ привлечь лучшихъ людей къ государственной

службѣ. Но они забываютъ, что алчность человѣческая, а еще болѣе чиновничья, не удовлетворится никакимъ жалованьемъ. Они забываютъ, что и теперь, нѣкоторые чиновники, получающіе 300—400 рублей и не имѣющіе никакого состоянія, проживаютъ 8—10 тысячъ. Возвышеніе должности внѣшними отличіями не соблазнитъ никого, кромѣ мелочныхъ людей, которые всегда оказываются ни къ чему неспособными. Привлечь къ службѣ лучшихъ людей, можно только нравственнымъ возвышеніемъ должностей, а это нравственное возвышеніе можетъ быть произведено, только самостоятельностью должностныхъ лицъ, возможною лишь при гласности дѣлопроизводства и отвѣтственности предъ независимою судебною властію.

И такъ все дѣло въ гласности, въ учрежденіи независимаго суда, въ отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ судомъ, въ строгомъ раздѣленіи властей и въ самоуправленіи обществъ въ хозяйственномъ отношеніи. Безъ этого, строгое исполненіе законовъ ни чѣмъ

не можетъ быть обезпечено, и самое положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, останется мертвою бумагою, наравнѣ со всѣми прочими томами нашихъ государственныхъ законовъ.

Я не считаю нужнымъ доказывать пользу этихъ учрежденій. Всѣ признаютъ ихъ безусловное достоинство. Мнѣ удавалось только слышать сужденія о невозможности ихъ въ настоящее время, и потому я считаю своею обязанностію доказать неосновательность этихъ возраженій.

Говорятъ, что судъ присяжныхъ у насъ въ настоящее время невозможенъ, потому что народъ недостаточно развитъ для этого учрежденія. Я не понимаю вовсе этого возраженія. Что значитъ недостаточно развитъ, и какая нужна степень развитія для наглядnаго сужденія о фактѣ, по совѣсти и здравому смыслу? Присяжнымъ именно это одно только и нужно, а русскій народъ конечно не имѣетъ недостатка ни въ здравомъ смыслѣ ни въ добросовѣстности. Судъ присяжныхъ, судъ гласный и по совѣсти

требуетъ въ судьяхъ гораздо менѣе умственнаго развитія и образованія, нежели всякій другой судъ, а тѣмъ болѣе наше сложное письменное судопроизводство. По этому можно скорѣй сказать, что у насъ возможенъ только одинъ судъ присяжныхъ, *и менѣе всего возможно* наше настоящее судопроизводство. Если скажутъ, что у насъ не всѣ сословія одинаково развиты, и потому не всѣ сословія могуть быть допущены къ произнесенію приговора, то и это не имѣетъ основанія. И теперь у насъ засѣдаютъ въ судахъ лица всѣхъ сословій; между тѣмъ, они развиты не болѣе своихъ собратій. Конечно, при отсутствіи всякаго значенія суда и при письменномъ судопроизводствѣ, городскія и сельскія сословія считаютъ эту службу повинностью, а засѣдатели ихъ, не получившіе никакого образованія, необходимаго для письменнаго судопроизводства, большею частію подписываютъ только подаваемыя имъ бумаги, прикладываютъ къ нимъ печати, или снимаютъ шубы съ почетныхъ посѣтителей. Но вѣдь это и происходитъ именно отъ слож-

ности нашего письменнаго процесса, противнаго духу русскаго народа, а всего больше оттого, что судъ не имѣетъ никакого значенія. Устройте самостоятельный судъ, независимый отъ исполнительной власти, и притомъ словесный и гласный, т. е. судъ присяжныхъ (потому что другаго независимаго суда на свѣтѣ нѣтъ и не бывало) и тѣ же люди, будучи присяжными, поймутъ всю важность своего назначенія и окажутся способными къ произнесенію приговоровъ. Это ясно какъ день, и противиться этому благодѣтельному учрежденію, могутъ только тѣ, которымъ безсудность и безнаказанность *выгодны*. Говорятъ еще, что судъ присяжныхъ есть начало противное духу настоящихъ государственныхъ учрежденій, и въ особенности понятію о самодержавной власти. Но это возраженіе уже не имѣетъ никакого смысла. Опытъ показываетъ намъ, что судъ присяжныхъ можетъ существовать при всякой системѣ государственнаго управленія. Понятно что это возраженіе дѣлается только съ единственною цѣлью, отклонить правительство отъ

судебной реформы и заставить молчать защитниковъ суда присяжныхъ, подъ страхомъ обвиненія ихъ *въ преступномъ образѣ мыслей*, какъ привыкли у насъ выражаться. Намъ кажется однако, что противники суда присяжныхъ уже однимъ этимъ возраженіемъ ставятъ себя на мѣсто, заготовленное ими для своихъ антагонистовъ. Мы желаемъ учрежденія самостоятельной судебной власти, въ видахъ уничтоженія настоящей грабительственной системы управленія, *позорящей государственную власть*; мы желаемъ этого *въ видахъ усиленія самой власти* и сосредоточенія ея въ законныхъ рукахъ и вѣримъ, что судъ и правда могутъ существовать и при нашей формѣ правленія, которая даже болѣе другихъ нуждается въ строгомъ исполненіи самодержавной воли. Противники же суда присяжныхъ сами высказываются противъ основныхъ государственныхъ законовъ, считая ихъ несовмѣстными съ началами безпристрастнаго суда и справедливости.

Тоже самое возраженіе слышится иногда и противъ непосредственной отвѣтственности

должностныхъ лицъ передъ судомъ. Здѣсь это возраженіе еще неосновательнѣе. Непосредственная отвѣтственность чиновниковъ предъ судомъ выгодна для самой власти. При настоящемъ порядкѣ вещей, всякій начальникъ, узнавъ о злоупотребленіяхъ подчиненныхъ, становится въ тупикъ, и не знаетъ что ему дѣлать, потому что въ бо̀льшей части случаевъ нѣтъ никакого средства узнать истину. Во всѣхъ дѣлахъ власть идетъ ощупью и принимаетъ все на совѣсть. При отсутствіи гласнаго независимаго суда и непосредственной отвѣтственности всѣхъ должностныхъ лицъ предъ судомъ, власть во всѣхъ распоряженіяхъ можетъ быть подозрѣваема въ пристрастіи, и эти подозрѣнія ничѣмъ не могутъ быть уничтожены. По этой одной причинѣ, власть съ каждымъ днемъ теряетъ болѣе и болѣе свое нравственное вліяніе необходимое для существованія всякой власти, и быстро идетъ къ упадку. Напротивъ, при существованіи дѣйствительнаго независимаго отъ правительственной власти суда и отвѣтственности передъ нимъ всѣхъ должностныхъ лицъ безъ

всякаго исключенія, положеніе власти совсѣмъ другое. Она не задумается какъ поступить съ злоупотребленіями. Открытый судъ по совѣсти дастъ всѣ средства къ пресѣченію зла, а если и не обнаружитъ иногда преступленія, то власть остается во всякомъ случаѣ чистою отъ всякихъ подозрѣній. Самый нравственный авторитетъ независимости суда поддерживаетъ власть. Всякій согласится, что онъ въ этомъ отношеніи сильнѣе милліона штыковъ. Почему же не возможна непосредственная отвѣтственность предъ судомъ, безъ согласія административнаго начальства, и для чего нужно это согласіе? Разумѣется, для того только чтобы начальники, или всего чаще ихъ канцеляріи, имѣли возможность покрывать выгодныя для нихъ злоупотребленія. *Другаго основанія и быть не можетъ.* Нѣтъ! противники радикальныхъ, судебныхъ и административныхъ реформъ не заботятся вовсе о поддержаніи настоящей системы государственнаго управленія, и прикрываются только фразами. Напротивъ они противятся тому, чтобы власть была въ законныхъ рукахъ,

они хотятъ, чтобы самодержавный государь не имѣлъ никакихъ средствъ знать правду, они стараются только удержать за собою свое собственное самодержавіе, захваченное обманомъ изъ рукъ законнаго государя. Они стараются объ удержаніи всѣми средствами настоящаго порядка управленія *только потому, что онъ для нихъ выгоденъ*, и когда государь смѣло поднялъ разные вопросы о государственныхъ реформахъ, они лишь стараются изподтишка подставить ногу исполненію его святыхъ намѣреній, ибо при отсутствіи безпристрастнаго суда исполненіе его воли, должно зависѣть отъ ихъ произвола. Чего можетъ ожидать Россія при освобожденіи крестьянъ, безъ учрежденія независимаго суда и отвѣтственности чиновниковъ? Безпорядковъ и смутъ! А безпорядки выгодны бюрократамъ. Они оправдаютъ ихъ безграничный произволъ и отдалятъ на сколько нибудь измѣненіе ихъ положенія. Если же эти безпорядки и дойдутъ до ужасающихъ размѣровъ, то имъ нечего бояться: у нихъ нѣтъ семействъ въ деревняхъ;

многіе изъ нихъ не имѣютъ недвижимой собственности, или не дорожатъ ею. Въ случаѣ опасности они сядутъ на первый пароходъ, и благополучно доѣдутъ до чужеземной пристани, гдѣ они могутъ дожить свой вѣкъ покойно, со своими *благо*пріобрѣтенными богатствами.

Многіе говорятъ противъ возможности немедленнаго образованія общаго управленія, высказывая мысль, что на первый разъ необходимо раздѣленіе на вѣдомства, или по крайней мѣрѣ сословія. Въ указательство этого они приводятъ трудность совершенія нѣсколькихъ реформъ въ одно время и настоящее отчужденіе сословій, при которомъ высшему классу народонаселенія будетъ оскорбительно занимать равныя мѣста съ лицами низшихъ сословій.

Первая изъ этихъ отговорокъ для меня совершенно непонятна. Когда всѣ эти реформы требуются одновременно во имя блага и спокойствія государства, одна трудность ихъ исполненія не можетъ быть отговоркою, если нѣтъ совершенной невозможности. Во вторыхъ, уничтоженіе вѣдомствъ можетъ казаться труд-

нымъ только бюрократамъ, которые привыкли заниматься съ особенною любовію мелочами письменнаго дѣла, и на глаза которыхъ передача дѣлъ отъ одного столоначальника къ другому, кажется уже важнымъ государственнымъ вопросомъ, требующимъ многолѣтнихъ соображеній. Мы полагаемъ, что для уничтоженія вѣдомствъ нужно только убѣжденіе правительства въ необходимости этой реформы, и опредѣленіе порядка управленія обществъ въ хозяйственномъ отношеніи, что и безъ того должно быть сдѣлано при составленіи положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. За тѣмъ остается только сдѣлать распоряженіе о выборѣ новыхъ должностныхъ лицъ хозяйственно-распорядительнаго управленія, передать имъ всѣ дѣла изъ уничтоженныхъ вѣдомствъ, а зданія, которыя занимались этими управленіями назначить къ другому употребленію. Говорятъ : что же дѣлать съ чиновниками, занимающими упраздняемыя мѣста? Да что же дѣлать? Разумѣется ничего. Развѣ общество обязано содержать ихъ на своемъ

иждивеніи, не имѣя въ немъ надобности? Да если это и такъ, то лучше продолжать имъ выдачу жалованья, но все таки упразднить занимаемыя ими должности. Въ этомъ положеніи, они будутъ по крайней мѣрѣ безвредными инвалидами и обойдутся гораздо дешевле, потому что въ противномъ случаѣ они станутъ преградою на пути государственнаго развитія, и вдобавокъ большая часть ихъ будутъ пользоваться еще незаконными доходами, вдесятеро превышающими получаемое ими содержаніе. Притомъ государство и при новомъ управленіи будетъ нуждаться въ способныхъ людяхъ. По этому всѣ способные и нравственные чиновники найдутъ себѣ новое назначеніе, и пожалуй еще лучше настоящаго. Что же касается до отчужденія сословій другъ отъ друга, то оно и не можетъ прекратиться до тѣхъ поръ, пока не будетъ общаго управленія, въ которомъ они всегда должны занимать первое мѣсто по одному уже нравственному вліянію, неразлучному съ образованіемъ и нѣкоторою опытностію въ дѣлахъ общественныхъ. Напротивъ, дворянство

достаточно развито чтобы оскорбиться отчужденіемъ его отъ дѣлъ прочихъ сословій. Оно хорошо пойметъ унизительное положеніе человѣка, носящаго парадный мундиръ и удаленнаго отъ всякаго дѣйствительнаго участія въ дѣлахъ своей страны. Внѣшними отличіями и одними личными привилегіями, въ настоящее время никого нельзя соблазнить. Даже и купцы, всегда жадные къ знакамъ отличія перестаютъ платить за нихъ деньги.

Безъ общаго управленія не можетъ быть никакого толка. Если судебная власть будетъ по прежнему раздѣлена по вѣдомствамъ или сословіямъ, она никогда не будетъ самостоятельною, это очевидно. Раздѣленіе властей, административной, полицейской и судебной, при отдѣльномъ управленіи вѣдомствъ или сословій, поведетъ только къ тому, что всѣ власти будутъ несамостоятельны и разрушатъ всякое понятіе о власти. Останется тоже бюрократическое управленіе, но оно будетъ еще произвольнѣе. Раздѣленныя общества ничего не будутъ значить. Сверхъ того, управленіе по

сословіямъ, при образованіи еще новаго класса народа, будетъ стѣснимо еще бо́льшими формальностями. Сѣть взяточничества и грабежа, покрывающая теперь Россію, сдѣлается еще чаще и дѣло дойдетъ до того, что власть запутается сама въ разставленныхъ ею сѣтяхъ. Одно общее управленіе можетъ соединить интересы народа, и создать надежные органы для неуклоннаго исполненія державной воли.

Я не говорю ничего въ доказательство необходимости раздѣленія властей полицейской, судебной и распорядительной. Никто противъ этого не споритъ.

Вотъ начала, на которыхъ должно быть немедленно создано новое управленіе. Иначе Россію ожидаетъ полный произволъ чиновниковъ, ведущій къ волненіямъ и безпорядкамъ.

Мнѣ остается сказать только о способѣ развитія этихъ началъ. Очевидно, что между принятіемъ какихъ бы то ни было началъ и окончательнымъ развитіемъ ихъ лежитъ цѣлая бездна. Эта истина на практикѣ дѣлается еще чувствительнѣе, когда дѣло касается вопросовъ,

въ которыхъ замѣшались личныя выгоды общественныхъ дѣятелей. Таково именно дѣло судебной и административной реформы. Ему грозитъ большая опасность. Въ проэкты этихъ реформъ легко и незамѣтно могутъ вкрасться подробности по видимому ничего не значущія, но уничтожающія на практикѣ весь смыслъ задуманныхъ реформъ. Поэтому, развитіе началъ, которыя будутъ приняты верховною властію въ основаніе судебныхъ и административныхъ преобразованій, должно быть непремѣнно поручено лицамъ не состоящимъ на службѣ, и не ожидающимъ отъ нея какихъ либо великихъ и богатыхъ милостей. Правильное развитіе этихъ началъ было бы болѣе всего обезпечено, если бы оно было поручено людямъ науки, наиболѣе всѣхъ прочихъ безпристрастнымъ къ лицамъ и партіямъ, предпочтительно спеціалистамъ по части государственныхъ наукъ, и отчасти жителямъ разныхъ мѣстностей, *испытавшихъ на себѣ все неудобство настоящаго порядка вещей.* Эти неудобства разумѣется ближе извѣстны управляемымъ, нежели управ-

ляющимъ. Притомъ самыя реформы имѣютъ въ виду болѣе первыхъ, нежели послѣднихъ. Если же проэкты реформъ будутъ составляться исключительно лицами управляющими, то они вѣроятно не будутъ вполнѣ соотвѣтствовать ихъ цѣли, и скорѣе всего ограничатся нѣкоторыми измѣненіями въ видахъ еще бо́льшаго усиленія власти мѣстныхъ должностныхъ лицъ, ограниченія ихъ отвѣтственности и возможнаго облегченія ихъ трудовъ. При томъ сколько незамѣтныхъ, но тѣмъ не менѣе существенныхъ преградъ можетъ быть поставлено на пути къ настоящимъ великимъ преобразованіямъ въ дѣлѣ мѣстнаго управленія. Ихъ и исчислить не возможно. Но сознавая всю важность этого дѣла, я считаю необходимымъ указать на тѣ преграды, которыя болѣе всего возможны при развитіи высказанныхъ мною началъ. Положимъ что правительство признало необходимымъ раздѣленіе властей полицейской, хозяйственной, распорядительной и судебной, предположивъ отдѣлить отъ полицейской слѣдственныя дѣла. Все это сдѣлано, но только съ

слѣдующими условіями. Всѣ чиновники подчинены болѣе или менѣе, прямо или косвенно одной исполнительной власти, хоть бы начальнику губерніи, который одними распоряжается какъ своими подчиненными, другихъ атестуетъ, представляетъ къ наградамъ, и т. д. Кончается тѣмъ, что всѣ власти оптомъ находятся въ зависимости отъ одного начальника губерніи, а такъ какъ дѣлъ много, то участь всѣхъ зависитъ отъ губернскихъ канцелярій, которыя по прежнему берутъ оброки съ исполнительныхъ властей и необходимо потворствуютъ ихъ злоупотребленіямъ. Отъ того слѣдователи не будутъ открывать преступленій, судъ не будетъ судить и т. д. и все раздѣленіе властей будетъ только на бумагѣ. Неужели можно расчитывать и въ этомъ случаѣ наличныя качества должностныхъ лицъ? Если уже расчитывать на нихъ, то не нужно и говорить о раздѣленіи властей. За чѣмъ же предписывать добро, и въ тоже время тащить ко злу? Во-первыхъ, за чѣмъ эти награды? Кого они могутъ поощрять и къ чему? Оставьте ихъ развѣ исполнительнымъ правительствен-

нымъ чиновникамъ. Выборнымъ и судебнымъ должностнымъ лицамъ онѣ только вредятъ въ общественномъ мнѣніи если тянутъ ихъ къ злу. Создайте самостоятельное, выборное, хозяйственно-распорядительное управленіе, обяжите его представлять гласно отчеты о своихъ дѣйствіяхъ правительству и обществу и сдѣлайте его отвѣтственнымъ только предъ судомъ. Дайте начальникамъ губерніи и обществу, право передавать дѣйствія этихъ лицъ на разсмотрѣніе независимаго суда, и больше ничего не нужно. Съ другой стороны, вся награда этихъ лицъ за добросовѣстное исполненіе ихъ обязанностей, должна заключаться въ общественномъ уваженіи и собственномъ сознаніи о пользѣ ихъ трудовъ. Правительственныя награды только повредятъ дѣйствительному раздѣленію властей и не произведутъ ничего, кромѣ зла. За чѣмъ онѣ? И безъ того правительственный надзоръ останется во всей силѣ, злоупотребленія сдѣлаются невозможными, а хозяйственно-распорядительная власть будетъ въ полномъ смыслѣ самостоятельною.

Тоже надобно сказать и о судебной и слѣдственной властяхъ, которыя должны быть еще выше и независимѣе всѣхъ прочихъ. Стоитъ только подвергнуть ихъ какому бы то ни было косвенному вліянію другой власти и у насъ суда не будетъ по прежнему. Отъ чего бы кажется не назначить главныхъ судей по усмотрѣнію самой верховной власти, какъ назначаются теперь начальники губерній, а назначеніе слѣдователей и низшихъ судебныхъ лицъ не предоставить этимъ судьямъ облеченнымъ высочайшимъ довѣріемъ? Тогда судебная власть была бы дѣйствительно независимою властью.

Далѣе, могутъ быть еще слѣдующія преграды на пути административной реформы. Положимъ что правительство пожелало учредить мировыхъ судей, нравственное вліяніе которыхъ способствовало бы уменьшенію числа спорныхъ дѣлъ. Можно дать начальникамъ губерніи или другой исполнительной власти право назначать мировыхъ судей, и тогда они обратятся совершенно въ нынѣшнихъ становыхъ приставовъ,

ибо не будутъ имѣть никакого нравственнаго авторитета и, будучи въ необходимости платить оброкъ губернскимъ канцеляріямъ, откроютъ новые источники для извлеченія незаконныхъ доходовъ. Можно ограничить юрисдикцію мировыхъ судей дѣлами одного или нѣсколькихъ сословій, и этого будетъ достаточно, чтобы отнять всякій смыслъ у этого учрежденія. Можно исполнительныя дѣла, не требующія никакого обсужденія, ввѣрить не отдѣльнымъ должностнымъ лицамъ, а коллегіальнымъ учрежденіямъ и тогда не будетъ воли отвѣтчиковъ по исполнительнымъ дѣламъ, ибо отвѣтственность колегіальныхъ мѣстъ, гдѣ работаетъ всегда одинъ, а замѣшаны многіе, необходимо уменьшается до того, что становится нечувствительною. Можно недать никакой иниціативы судебной власти, предписавъ ей производить изслѣдованія неиначе, какъ по соображенію исполнительныхъ властей, и тогда судебная власть не будетъ имѣть значенія. Можно постановить правиломъ, чтобы общественныя собранія разсуждали только о томъ, о чемъ разрѣшитъ

говорить исполнительная власть, и общества потеряютъ всякую самостоятельность. Между тѣмъ, такое правило въ сущности не нужно. Если и требуются такого рода ограниченія, то можно опредѣлить ихъ закономъ, не представляя ихъ произволу мѣстныхъ властей. Много и очень много можетъ встрѣтиться такихъ подробностей, которыя загородятъ путь къ лучшему управленію. Мы не беремся ихъ исчислить.

Теперь я перехожу къ обсужденію заключеній Редакціонныхъ коммиссій по административному отдѣленію.

Главный недостатокъ въ нихъ я вижу въ томъ, что Редакціонныя коммиссіи предполагаютъ устроить сельскія общества изъ однихъ крестьянъ, и то лишь выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, уединивъ ихъ совершено отъ прочихъ сословій. Очевидно, что такіе общества уединенныхъ сословій, и притомъ общества, составленныя изъ сословія менѣе развитаго и менѣе достаточнаго, не смотря на всѣ достоинства ихъ организаціи, не могутъ

достигнуть своей цѣли. Это доказалъ опытъ на нашихъ государственныхъ крестьянахъ. Какое же значеніе будутъ имѣть общества крестьянъ, только что вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, наименѣе просвѣщенныхъ, наименѣе привыкшихъ пользоваться правомъ разумно-свободной дѣятельности, разбросанныхъ между селеніями другихъ вѣдомствъ и часто удаленныхъ отъ ближайшихъ сосѣдей и соединенныхъ съ чуждыми имъ деревнями одного вѣдомства. Наконецъ какое значеніе могутъ у насъ имѣть общества однихъ крестьянъ, при отчужденіи ихъ отъ другихъ образованныхъ и достаточныхъ классовъ народа. Понятно, что такое общество не будетъ имѣть никакой связи. Здѣсь, въ большей части случаевъ, не представится никакого единства: ни внутренняго ни внѣшняго. Эти общества будутъ ни болѣе, ни менѣе, какъ массы механически связанныя внѣшнею силою. Что будутъ обсуждать они на своихъ собраніяхъ? Свои общіе интересы? Но они не имѣютъ общихъ отдѣльныхъ интересовъ, такихъ, которые не были бы неразрывно связаны

съ интересами прочихъ жителей. Всякій поселокъ, каждый крестьянинъ этихъ обществъ можетъ быть имѣетъ болѣе общаго съ своими сосѣдями, принадлежащими къ другимъ вѣдомствамъ. Почти каждое дѣло этого общества потребуетъ сношенія съ другими вѣдомствами, и будетъ обусловлено постановленіями другихъ обществъ. Это поставитъ затрудненія въ каждомъ дѣлѣ, которыя поведутъ къ тому, что члены обществъ сдѣлаются равнодушными къ общественнымъ дѣламъ и обратятся къ другимъ средствамъ удовлетворять свои потребности. Такимъ образомъ нарушится насильственная связь обществъ. Съ другой стороны, общества однихъ крестьянъ будутъ совершенно отчуждены отъ просвѣщеннаго слоя народонаселенія, имѣющаго уже нѣкоторую опытность въ общественныхъ дѣлахъ и могущаго помочь имъ совѣтами и самымъ дѣломъ. Какая надобность и какая польза отдѣлять крестьянъ отъ высшихъ просвѣщенныхъ сословій? Вѣдь это значитъ—отнимать у мѣстныхъ обществъ весь разумъ, всю способность пользоваться своими

правами. Учредить такія общества крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, все равно, что дать человѣку право на разумно-свободную дѣятельность, и въ то же время намѣренно снять съ него голову, отдавъ её въ распоряженіе особаго вѣдомства. Понятно, что это разъединеніе сословій поведетъ опять къ произвольному управленію чиновниковъ и къ разрушенію всякаго понятія о самоуправленіи обществъ. У насъ на глазахъ опытъ государственныхъ крестьянъ. Но этого мало. Этимъ не ограничатся вредныя послѣдствія такихъ учрежденій. Государственные крестьяне, до сихъ поръ, не сознавали своихъ правъ. У нихъ не было до настоящей минуты никакихъ особенныхъ ожиданій, не было причины, которая могла бы возмутить ихъ противъ управленія. Поэтому учрежденіе уединенныхъ обществъ государственныхъ крестьянъ, имѣло послѣдствіемъ только ихъ несостоятельность и воровство чиновниковъ. Но теперь совсѣмъ другое дѣло. Теперь объявляется свобода цѣлой половинѣ народонаселенія, которое, хотя и обладаетъ

природнымъ здравымъ смысломъ, однако не менѣе того находится въ весьма невѣжественномъ состояніи. Крестьяне другихъ вѣдомствъ, сознавая себя несвободными, также ожидаютъ измѣненія въ своемъ бытѣ, и эти ожиданія, при отсутствіи образованія, представляются имъ въ какомъ то смутномъ, неопредѣленномъ видѣ. Однимъ словомъ всѣ ждутъ свободы, не зная опредѣлительно въ чемъ состоитъ истинная, гражданская свобода. Помѣстное дворянство, просвѣщенное болѣе всѣхъ сельскихъ сословій, одно можетъ руководить и вразумлять народъ въ исполненіи правительственныхъ распоряженій. Одни дворяне-землевладѣльцы имѣютъ истинную выгоду въ сохраненіи общественнаго спокойствія. Чиновникамъ, напротивъ, безпорядки выгодны. Притомъ, не смотря на существующій антагонизмъ сословій, дворяне болѣе всѣхъ другихъ пользуются довѣріемъ народа въ отношеніи ихъ познаній. Народъ, если и не любитъ дворянъ, то во всякомъ случаѣ вѣритъ идущимъотъ нихъ слухамъ. Наконецъ въ числѣ дворянъ есть много лицъ,

къ которымъ народъ имѣетъ полное довѣріе. Кажется какъ не воспользоваться въ общественныхъ дѣлахъ помощью просвѣщеннаго сословія, дѣйствія котораго въ этомъ случаѣ обезпечены его собственною выгодою? Какъ отстранить дворянъ отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, оставивъ однако крестьянъ съ ихъ невѣжествомъ и безграмотностію? Вѣдь это можно сдѣлать только для того, чтобы показать по онымъ несостоятельность крестьянскаго самоуправленія. Но въ этомъ нечего и сомнѣваться, да подобные опыты обходятся слишкомъ дорого. Стоитъ вспомнить что этотъ опытъ ставитъ на карту весь государственный порядокъ и общественное спокойствіе.

Я считаю нужнымъ оговориться, что доказывая необходимость участія помѣщиковъ въ общественныхъ дѣлахъ, я не думаю вовсе о томъ, чтобы это участіе имѣло видъ какой бы то ни было власти, а тѣмъ болѣе вотчинной, напоминающей прежнія отношенія, ненавистныя народу и противныя смыслу настоящаго преобразованія.

Я говорю о необходимости образованія сельскаго общества изъ всѣхъ жителей мѣстности, а въ томъ числѣ и помѣщиковъ, какъ высшаго и болѣе другихъ просвѣщеннаго сословія. Я увѣренъ что это участіе въ общихъ дѣлахъ мѣстныхъ жителей не можетъ считаться оскорбительнымъ для дворянства и въ особенности въ такомъ случаѣ, если ему будетъ предоставлено первое мѣсто въ общественныхъ собраніяхъ и предпочтительное право на занятіе должностей, какъ было предположено Тверскимъ комитетомъ. Что касается этихъ привилегій дворянства, то они не могутъ повредить самостоятельности крестьянъ, ибо низшій классъ народа во всякомъ случаѣ и вездѣ многочисленнѣе высшаго, а преимущество въ занятіи общественныхъ должностей лицами болѣе просвѣщенными послужитъ лучшимъ обезпеченіемъ правъ всего народонаселенія. При томъ общественные интересы всѣхъ сословій, по уничтоженіи крѣпостнаго права и распредѣленіи повинностей на земли, будутъ одни и тѣже, а зависимость должностей

отъ выбора и отвѣтственности передъ независимымъ судомъ поставятъ всякое выборное лицо въ необходимость честно служить общественнымъ интересамъ.

Здѣсь разсчетъ вѣрный : онъ основанъ не на случайностяхъ, а на непремѣнномъ соединеніи личныхъ выгодъ съ общественными пользами. Вѣрность этого обезпеченія никто не станетъ оспоривать. Если человѣкъ поставленъ въ такое положеніе, при которомъ его собственная польза соединена съ общимъ благомъ, то нечего и думать о его личныхъ качествахъ, ему можно все довѣрить. Такимъ образомъ положеніе высшаго сословія нисколько не унизится при соединеніи его съ остальными жителями, а напротивъ дѣйствительное значеніе дворянства будетъ еще важнѣе и лучше настоящаго.

Теперь посмотримъ, какого положенія можетъ ожидать дворянство при уединеніи остальныхъ жителей въ отдѣльныя общества ? Это положеніе будетъ до крайности жалко и унизительно. Какія отношенія будутъ имѣть дворяне-владѣльцы къ остальному сельскому народонаселенію ?

Они будутъ жить между обществомъ въ видѣ какихъ то отверженцевъ, въ видѣ Евреевъ, разсѣянныхъ между чуждыми имъ народами и имѣющихъ одно отечество въ своемъ сборномъ мѣстѣ, удаленномъ на сотни верстъ отъ ихъ домашней жизни. Но положимъ дворянство будетъ гораздо хуже, нежели положеніе отверженнаго народа. Ихъ Іерусалимъ не будетъ имѣть никакого религіознаго утѣшительнаго значенія. Депутатское собраніе будетъ ни болѣе ни менѣе, какъ архивъ оффиціальныхъ документовъ наравнѣ со всѣми прочими архивами. Избирательныя права дворянства, и теперь имѣющія мало значенія иногда потеряютъ всякій смыслъ. Всѣ привилегіи дворянъ будутъ значиться лишь въ томъ, что за ними останется право носить парадный мундиръ въ торжественныхъ случаяхъ, кичиться своими родословными и занимать мѣста ворующихъ и полновластныхъ чиновниковъ. Когда масса людей становится въ унизительное положеніе, то можно быть увѣреннымъ, что большинство ея будетъ руководиться и низкими побужденіями.

Это законъ, не допускающій отступленій и обезпеченный слабостью человѣческой природы. Живыя доказательства этого мы видимъ на каждомъ шагу и въ исторіи, и въ обыденной жизни. Къ чему привело унизительное состояніе Евреевъ, потомъ дворовыхъ людей и наконецъ самихъ чиновниковъ? Съ этой дороги рѣдкой въ состояніи своротить. Что можетъ дѣлать дворянство при отчужденіи его отъ прочихъ сословій? Выборъ занятій не затруднителенъ. Оно можетъ жить занимаясь своими частными дѣлами, и быть при этомъ лишеннымъ всякихъ политическихъ правъ и всякаго обезпеченія отъ притѣсненій чиновниковъ, (а при уединеніи общества по сословіямъ, произвола чиновниковъ будетъ еще болѣе прежняго). Въ самомъ дѣлѣ, какія средства защиты отъ этихъ притѣсненій останутся у дворянъ? Одно только право жалобы и ходатайство у тѣхъ же чиновниковъ и канцелярій, получающихъ оброки съ притѣснителей. Съ другой стороны дворянинъ будетъ имѣть возможность получить не только гражданскія, но

даже и неограниченныя права посредствомъ присоединенія себя къ числу притѣснителей; причемъ оно можетъ еще поправить свои обстоятельства весьма легкою добычею. Кажется, что послѣдствія этого порядка очевидны. Если бы все общество было раздѣлено на убивающихъ и убиваемыхъ, то рѣдкіе не перешли бы на сторону первыхъ. При томъ нѣкоторые дворяне могутъ еще воспользоваться общимъ неудовольствіемъ и своимъ вліяніемъ на низшій классъ народа. Однимъ словомъ положеніе уединенныхъ сословій, не представляетъ ничего, кромѣ самаго мрачнаго будущаго.

По всѣмъ этимъ причинамъ я считаю необходимымъ образованіе сельскихъ обществъ изъ всѣхъ сословій опредѣливъ только ихъ размѣры по числу населенія или географическому пропространству.

Размѣры волостныхъ обществъ, принятые Редакціонными коммиссіями, я нахожу слишкомъ малыми и несоотвѣтствующими собственнымъ желаніямъ коммиссіи. Если принять

предположенные коммиссіями размѣры волостныхъ обществъ по числу населенія, т. е. отъ 300 до 2,000 душъ мужескаго пола, то 1) Число волостныхъ обществъ будетъ такъ велико, что затруднитъ сношенія съ ними уѣздной, административной и полицейской власти. (Такихъ обществъ должно быть въ уѣздахъ Тверской губерніи отъ 40 до 70). 2) Матеріальныя средства этихъ обществъ будутъ недостаточны для покрытія расходовъ по общественному управленію, и наконецъ 3) Слишкомъ малая величина обществъ уничтожитъ всякую самостоятельность ихъ. Я не признаю вовсе полезнымъ раздѣленіе на приходы. Настоящіе приходы почти не имѣютъ никакой солидарности интересовъ и никакой географической плотности. Въ самомъ дѣлѣ, какія дѣла могли связывать интересы прихожанъ? Развѣ только одинъ выборъ церковнаго старосты, но и того я думаю, большею частію выбирали помѣщики. Что же еще? Хожденіе въ одну церковь. Но многіе прихожане, будучи отдалены отъ своего прихода, очень часто

ходили въ чужія церкви. Погребеніе умершихъ въ одномъ мѣстѣ и вліяніе одного духовника? Но эти обстоятельства не могутъ сближать людей въ ихъ общественныхъ дѣлахъ. Въ этомъ отношеніи приходы значатъ не болѣе монастырей, въ которыхъ многія семейства издавна имѣютъ обыкновеніе говѣть и погребать умершихъ. При томъ, дѣленіе на приходы, зависѣвшее отъ случая, не можетъ быть принято въ основаніе раздѣленія обществъ. Нѣтъ ни одного прихода сплошнаго, часто селенія прихода находятся близь другого села, да притомъ и самыя церкви зачастую построены на границѣ приходовъ. Иные прихожане рѣдко и бываютъ въ своей церкви, и очень часто не знаютъ другъ друга. Какъ же поступать въ этихъ случаяхъ? Сдѣлать новое расписаніе приходовъ? Но это покажется возмутительнымъ для крестьянъ, религіозныя вѣрованія которыхъ связаны часто съ такими мелочными требованіями, что достаточно малѣйшаго повода къ образованію новыхъ расколовъ. Наконецъ

самые размѣры приходовъ не соотвѣтствуютъ средствамъ обществъ.

Я не распространяюсь о необходимости гораздо большихъ размѣровъ волостныхъ обществъ, въ которыхъ наименьшая величина, по моему мнѣнію, должна заключаться въ 4,000 душахъ мужескаго пола, потому что коммиссіи вѣроятно сами увидятъ необходимость и возможность этихъ размѣровъ, при образованіи обществъ безъ различія сословій. Въ такомъ случаѣ, разстояніе селеній отъ центра волости не можетъ быть очень велико.

Я не признаю пользы въ учрежденіи какого бы то ни было сословнаго суда, потому что эти учрежденія вредятъ самостоятельности судебной власти и производятъ только путаницу въ судебныхъ дѣлахъ. Мы видимъ это на опытѣ въ нашихъ судебныхъ дѣлахъ. Судъ какой бы то ни былъ, долженъ быть независимъ. Иначе не будетъ ни суда, ни расправы, какъ это и существуетъ въ настоящее время. Выборный судъ ведетъ только къ потворству

избирателямъ и униженію судебной власти. При существованіи разныхъ судовъ затрудняется только дѣло. Если въ настоящее время не уничтожатся сословные суды и судебная власть не будетъ сосредоточена въ однихъ рукахъ, а напротивъ прибавятся новые суды для крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, то кончится тѣмъ, что ни одинъ проситель не будетъ знать, кого ему просить, и отъ кого ждать удовлетворенія. Да и сами суды не будутъ знать что̀ и кому и когда дѣлать. Въ настоящее время уже дошло до того, что по причинѣ существованія многихъ сословныхъ судовъ, дѣла, въ которыхъ замѣшаны лица разныхъ сословій (а рѣдкое дѣло не принадлежитъ къ этому разряду), ходятъ только отъ одного мѣста въ другое. Какого же порядка ждать отъ учрежденія новыхъ судовъ въ этомъ родѣ? Въ рѣдкомъ судебномъ случаѣ не участвуетъ нѣсколько лицъ принадлежащихъ къ разнымъ сословіямъ. Одинъ изъ нихъ подаетъ просьбу въ крестьянскій судъ, другой въ дворянскій, третій въ мѣщанскій, четвертый въ военный. Когда

же будетъ конецъ дѣлу, и когда конецъ перемѣнѣ?

Что касается до домашняго сельскаго суда, которому хотятъ поручить маловажныя дѣла, я согласился бы скорѣе на судъ, избранный всѣми сословіями; но и въ этомъ случаѣ не вижу никакой надобности отступать отъ необходимаго священнаго начала судебной независимости. Учрежденіе независимыхъ мировыхъ судей, на подобіе англійскихъ, согласное съ предположеніемъ Тверскаго комитета, произведетъ достаточное число судебныхъ органовъ. Что же касается до обыденнаго домашняго суда крестьянъ, какъ то: суда стариковъ, мірскаго суда и т. п., то я полагаю необходимымъ оставить его на сельскіе обычаи, не давая ему никакого законнаго значенія. Судъ стариковъ односельцевъ, судъ міра есть самый пристрастный судъ на свѣтѣ, и стоитъ только до тѣхъ поръ, пока онъ стоитъ на степени домашняго разбирательства и не имѣетъ законной силы. Я не понимаю какъ могутъ заблуждаться люди до того, чтобы не видѣть совершенной

невозможности безпристрастнаго суда односельцевъ. Вѣдь это тоже, что судъ сосѣдей, или владѣльцевъ общей дачи, даже еще хуже. Сосѣди, совладѣльцы такъ близки другъ къ другу, что между ними непремѣнно должно быть или дружба или вражда. Между близкими людьми не можетъ быть равнодушія. Если признать законнымъ какой нибудь подобный судъ, то это приведетъ къ тому, что частныя лица будутъ подбирать шайки и безнаказанно сѣчь и оскорблять своихъ сосѣдей, отзываясь своимъ судебнымъ авторитетомъ.

Мірскій сходъ долженъ имѣть въ своемъ владѣніи одни хозяйственныя дѣла. Составъ его долженъ опредѣляться не иначе какъ существующимъ въ деревняхъ обычаемъ. Опредѣлить его составъ закономъ есть насиліе, и насиліе совершенно безполезное. Если признать, что на мірскомъ сходѣ имѣетъ право быть только одинъ человѣкъ изъ двора, то ясно значитъ отдать остальныхъ въ крѣпостную зависимость этого лица. Въ дворѣ живетъ

иногда до 10 крестьянъ, да и дай Богъ чтобы жили. Наши крестьяне богаты только изъ многочисленности семей. Кто же пойдетъ на сходъ въ такомъ случаѣ? Тотъ кто сильнѣе всѣхъ физически. А если такъ, то куда идти жаловаться на его своеволіе? Къ тому же мірскому суду, который состоитъ изъ сильныхъ? Что же это за порядокъ? Такое постановленіе дѣлаетъ раздѣлъ семей выгодными и даже необходимыми для сохраненія личной свободы. Вѣдь это ведетъ къ пролетаріату. Что же дѣлать для избѣжанія насилія? Неужели регламентировать избранія домохозяина, опредѣлять строго права домашней жизни и дѣлать изъ каждой избы казарму? Я полагаю, что лучше всего предоставить опредѣленіе мірскаго схода существующему обычаю и дать этому учрежденію развиваться свободно и согласно требованіямъ самой жизни. Можетъ быть требованія жизни призовутъ и женщинъ къ участію въ деревенскихъ дѣлахъ! Это предположеніе имѣетъ неоспоримый практическій смыслъ въ

мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне занимаются отхожими промыслами, и гдѣ за частую въ цѣлой деревнѣ нѣтъ ни одного мущины.

Волостное собраніе, какъ видно изъ всего, мною изложеннаго, должно состоять изъ лицъ всѣхъ сословій, согласно положенію большинства Тверскаго комитета. Члены его должны быть особые выборные, а никакъ не одни должностныя лица, старосты и другіе, какъ предположено Редакціонными коммиссіями. Иначе оно будетъ собраніемъ должностныхъ лицъ въ родѣ временнаго отдѣленія земскаго суда и потеряетъ всякое значеніе.

Выборныя административныя лица вообще не должны быть предсѣдателями сельскихъ собраній, потому что они сами подлежатъ отчетамъ передъ этими собраніями. Предсѣдатель, руководя засѣданіями, имѣетъ очень часто возможность исправлять дѣло по своему желанію. Поэтому я полагаю нужнымъ предсѣдательство на волостныхъ собраніяхъ во всякомъ случаѣ поручать особо избранному лицу какъ сказано въ положеніи Тверскаго комитета.

Періодическія волостныя собранія не могутъ быть каждый мѣсяцъ, да и нѣтъ въ этомъ надобности. Лучше принять годовыя, какъ сказано въ положеніи Тверскаго комитета.

Разрѣшеніе какихъ бы то ни было начальствъ на открытіе чрезвычайныхъ собраній вовсе не нужно, и вредитъ только самостоятельности обществъ. Это правило одно можетъ покрыть бездну злоупотребленій, напримѣръ: начальство, отъ котораго зависитъ разрѣшеніе собраній, уличается въ воровствѣ. Общество хочетъ жаловаться и обнаружить его преступленіе, а оно не разрѣшитъ собраніе до тѣхъ поръ, пока изгладятся всѣ слѣды его злоупотребленія. Мѣстомъ для волостнаго собранія, которое предположено Тверскимъ комитетомъ, должно быть какое нибудь зданіе въ уѣздномъ городѣ или большемъ селѣ. На улицѣ же нельзя собираться. Это неприлично даже и для сходокъ однихъ крестьянъ, потому что такое собраніе напоминаетъ сходку у помѣщичьяго или управительскаго крыльца.

Вѣдомству волостнаго старшины и сельскаго

старосты по указаннымъ мною причинамъ, должны подлежать лица не одного, а всѣхъ сословій, проживающія въ предѣлахъ волости или поселенія.

Сборщика податей, казалось бы, не слѣдовало обязывать отличать непремѣнно въ складныхъ книжкахъ полученія денегъ. Это можетъ затруднить безграмотнаго крестьянина. Не лучше ли предоставить ему право въ случаяхъ неграмотности, выдавать плательщикамъ контромарки, какъ предположено Тверскимъ комитетомъ.

Наименьшій размѣръ жалованья волостной, выборной власти, долженъ быть опредѣленъ закономъ. Иначе могутъ быть случаи, что общество откажется совсѣмъ содержать эти власти необходимыя въ видахъ государственной пользы. Отвѣтственность должностныхъ лицъ должна быть одна передъ судомъ присяжныхъ, который долженъ быть одинъ для всѣхъ сословій и для всякаго рода дѣлъ. Иначе не будетъ ни суда, ни отвѣтственности.

Предоставленіе права подавать жалобы по

одному дѣлу въ разные суды можетъ вести только къ безпорядку въ дѣлахъ, и совершенному отсутствію суда. Это очевидно и не требуетъ доказательствъ.

Учрежденіе постояннаго совѣщательнаго присутствія при волостной хозяйственно-распорядительной власти совершенно безполезно и даже вредно. Безполезно потому, что этой власти подлежатъ только дѣла исполнительныя, не требующія никакого обсужденія. Вредно потому, что при существованіи такого присутствія отвѣтственность въ хозяйственныхъ дѣлахъ раздѣлится между многими и потому самому уменшится.

Въ этихъ совѣщательныхъ присутствіяхъ, должна завестись только безполезная переписка, писаніе журналовъ, отдѣльныхъ мнѣній, а такъ какъ крестьяне мало грамотны, то всегда одинъ будетъ работать и воровать за спиной другихъ. Притомъ денежныя дѣла волости и не стоятъ такихъ формальностей. Въ денежныхъ дѣлахъ гораздо лучше если одно довѣренное лицо распоряжается и одно отвѣчаетъ за свои дѣйствія.

О невозможности учрежденія выборнаго крестьянскаго суда я говорилъ выше.

Разсмотрѣвъ всѣ доклады административнаго отдѣленія и сдѣлавъ замѣчанія на заключенія Редакціонныхъ коммиссій, я представляю при семъ отвѣты на вопросы, сдѣланные г. предсѣдателемъ коммиссій по этимъ предметамъ.

1) *Не представляется ли надобность, сдѣлать какія либо измѣненія или дополненія въ предполагаемомъ разграниченіи предметовъ, отнесенныхъ къ вѣдомствамъ мірскаго и сельскаго сходовъ (докладъ административнаго отдѣленія* No. 5 *пункты а. и б.?)*

Изъ числа дѣлъ, подлежащихъ обсужденію мірскаго деревенскаго схода, по предположеніямъ коммиссій, непремѣнно должны быть исключены разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ. Семейные раздѣлы свободныхъ лицъ должны быть совершенно свободны. Держать людей въ одномъ семействѣ противъ ихъ воли, есть одно изъ самыхъ величайшихъ насилій, какія только существовали при крѣпостномъ правѣ;

и допустить этотъ порядокъ вещей на будущее время, значитъ отдать всѣхъ крестьянъ въ крѣпостное владѣніе мірскому сходу (или лучше сказать домохозяевамъ, если мірскій судъ будетъ состоять изъ однихъ домохозяевъ). Семейное спокойствіе есть единственное счастіе, возможное для нашихъ крестьянъ въ ихъ незавидномъ положеніи, и передъ этимъ высшимъ интересомъ человѣка должны склониться великіе денежные разсчеты. Если коммиссіи, этимъ намѣреніемъ желаютъ обезпечить денежные взносы, то лучше допустить самыя строгія имущественныя взысканія. Они будутъ легче и сообразнѣе съ духомъ настоящаго преобразованія. Раскладка рекрутской повинности ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть довѣрена мірскому сходу, состоящему изъ лицъ, слишкомъ близкихъ между собою, чтобы быть безпристрастными въ распредѣленіи такой тяжелой повинности.

Къ числу предметовъ подлежащихъ обсужденію мірскаго схода, слѣдуетъ дополнить: избраніе выборныхъ для присутствованія въ

волостномъ собраніи. Къ числу занятій волостнаго собранія должно присовокупить избраніе уполномоченныхъ для присутствованія въ уѣздныхъ собраніяхъ и избраніе депутатовъ для ревизіи отчета волостной выборной власти. Это послѣднее необходимо потому, что учетъ денежныхъ суммъ весьма трудно производить въ многочисленномъ собраніи безъ предварительнаго приготовленія.

2) *Слѣдуетъ ли предоставить утвержденіе мірскихъ старостъ и волостнаго старшины уѣздному предводителю или міровому судьѣ; или предоставить утвержденіе старостъ міровому судьѣ, а утвержденіе старшины уѣздному предводителю?*

Утвержденіе выборныхъ лицъ какою либо постороннею властью не имѣетъ никакого значенія и уничтожаетъ выборное начало. Здѣсь можетъ быть рѣчь только объ удостовѣреніи въ правильности избранія. Оно можетъ быть порученo міровому судьѣ, только въ такомъ случаѣ, если этотъ судья будетъ независимымъ должностнымъ лицемъ.

3) *Слѣдуетъ ли назначать выборнымъ должностнымъ крестьянамъ опредѣленное жалованье, какъ полагаютъ нѣкоторые комитеты, или согласно мнѣнію коммиссій предоставить это усмотрѣнію самихъ обществъ?*

Выборнымъ должностнымъ лицамъ волости должно быть непремѣнно назначено жалованье, но обществамъ должно быть предоставлено увеличивать его по усмотрѣнію.

4) *Достаточно ли ограничить время службы по выборамъ старостъ и старшинъ тремя годами, или слѣдуетъ продлить срокъ и на сколько именно?*

Трехъ лѣтъ весьма достаточно.

5) *Слѣдуетъ ли для постановленія рѣшеній по учету крестьянъ, исправляющихъ волостныя должности, для разбирательства жалобъ, предъявляемыхъ на нихъ отъ частныхъ лицъ или цѣлыхъ обществъ, и вообще для рѣшенія дѣлъ, въ которыхъ цѣлое крестьянское общество или волость непосредственно заинтересована, какъ тяжущаяся сторона, установить особый видъ крестьянскаго суда при*

міровомъ судьѣ, или слѣдуетъ передавать этого рода дѣла на разсмотрѣніе ближайшаго, къ дѣлу неприкосновеннаго волостнаго суда, и какое значеніе въ этомъ случаѣ долженъ имѣть міровой судья?

Я не признаю возможнымъ учрежденіе сословныхъ судовъ, а полагаю, что дѣла о всѣхъ преступленіяхъ, какъ частныхъ, такъ и должностныхъ лицъ, должны подлежать одному уголовному суду присяжныхъ.

Разумѣется сюда относятся жалобы на воровство, утайку суммъ и другія преступленія должностныхъ лицъ.

II.

по докладамъ хозяйственнаго отдѣленія.

Въ докладѣ хозяйственнаго отдѣленія No. 2 предполагается на случай споровъ о границахъ усадебныхъ земель, а также и отвода новыхъ мѣстъ подъ крестьянскія усадьбы опредѣлить размѣръ выпусковъ, конопляниковъ и вообще наименьшаго количества земли, отведенной подъ усадебную осѣдлость. По моему мнѣнію, опредѣленіе количества усадебныхъ земель цифрою совершенно безполезно и даже невозможно по слѣдующимъ причинамъ: усадебныя земли крестьянъ вездѣ отдѣлены отъ прочихъ угодій ясными признаками. Часто селеніе

всегда обозначено или живыми урочищами (т. е рѣками, оврагами и т. п.) или искуственными границами. Если же и найдется селеніе, неимѣющее этихъ границъ, то одно расположеніе строеній и самая обработка огородовъ и конопляниковъ будутъ служить безспорными признаками пространства усадебной земли. По этому, споры о границахъ и пространствѣ существующихъ усадебныхъ земель совершенно невозможны. При томъ усадебная земля въ Тверской губерніи, отдѣльно лучшая, большею частію имѣетъ только значеніе наиболѣе удобренной и наилучше обработанной земли. Размѣры ея чрезвычайно разнообразны. Въ однихъ мѣстахъ крестьянинъ, употребляя всѣ труды свои на обработки зерновыхъ хлѣбовъ или на промыслы, не занимался вовсе разведеніемъ овощей и конопли, покупая ихъ для своего продовольствія. Въ другихъ мѣстахъ, и особенно въ тѣхъ, гдѣ овощи и конопля лучше родятся, крестьяне занимали подъ усадебныя земли довольно большія пространства, и удобряли ихъ предпо-

чтительно предъ другими землями. Отъ того пространство усадебныхъ земель чрезвычайно разнообразно. Выпуски для скота также не могутъ быть одинаковы, ибо пространство ихъ опредѣляется мѣстными условіями, которыя по крайнему разнообразію невозможно привести въ какую бы то ни было систему. Изъ этого видно что потребность крестьянъ въ усадебной землѣ не можетъ быть опредѣлена какою бы то ни было общею цифрою. Притомъ, крестьяне, видя отдѣленіе усадебной земли отъ прочихъ угодій и имѣя въ виду различіе правъ своихъ на тѣ и другія земли, не будутъ поддерживать производительность полевыхъ угодій изъ опасенія не тратить напрасно свои капиталы и труды на чужія земли. Слѣдствіемъ этого будетъ совершенный упадокъ цѣнности полевыхъ земель. Сверхъ того отводъ нормальнаго усадебнаго надѣла въ многихъ случаяхъ потребуетъ посторонняго вреднаго вмѣшательства въ хозяйственный бытъ крестьянъ и можетъ способствовать къ удержанію на будущее время, настоящей положительно вредной для сельскаго

хозяйства системы сплошныхъ крестьянскихъ селеній. По этимъ причинамъ я полагаю необходимымъ предоставить крестьянамъ, оселяющимся на мѣстахъ ихъ водворенія, всю существующую усадебную осѣдлость ихъ, не опредѣляя ея пространство цифрою ; крестьянамъ же, переселяющимся на другія мѣста предоставить право самимъ выбирать мѣсто для своего поселенія на отведенныхъ имъ по положенію земляхъ, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни пространствомъ поселеній. Въ такомъ случаѣ они будутъ имѣть возможность расположить свои поселки сообразно мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ и, можетъ быть, представятъ живые примѣры новой, болѣе раціональной системы поселеній.

Въ докладѣ No. 3, Хозяйственное отдѣленіе положило : "*при надѣлѣ крестьянъ землею не дѣлать различія между полевыми и пустошными землями.*" Признавая это положеніе невыгоднымъ для обоихъ заинтересованныхъ сословій, я считаю необходимымъ обсудить подробно доводы, представленные хозяйствен-

нымъ отдѣленіемъ въ подкрѣпленіе этого положенія и доказать необходимость различенія полевыхъ и пустошныхъ угодій.

Сколько можно судить изъ доклада по этому предмету, хозяйственное отдѣленіе основывало это положеніе на слѣдующихъ соображеніяхъ:

Отдѣленіе полагало, что различеніе между угодьями полевыми и пустошными явно клонится къ сокращенію въ значительной степени количества земли, нынѣ находящейся въ пользованіи крестьянъ, ибо, по словамъ этого доклада, нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Тверской губерніи совокупность усадебныхъ, выгонныхъ и полевыхъ земель не достигнетъ 4^хъ^ десятиннаго надѣла на каждую душу, принятаго большинствомъ Тверскаго комитета за высшій размѣръ. Предположеніе это хозяйственнаго отдѣленія основано на примѣрномъ исчисленіи найболѣе обыкновеннаго въ губерніи размѣра крестьянскаго посѣва и на объясненіяхъ меньшинства Тверскаго комитета, которое въ своемъ обзорѣ основаній утверждало, что совокупность угодій, опредѣленныхъ Тверскимъ

комитетомъ въ обязательный надѣлъ крестьянамъ, почти никогда не превышаетъ даже и трехъ десятинъ на ревизскую душу мужескаго пола. По этому въ допущеніи различія между полевыми и пустошными угодьями хозяйственное отдѣленіе видѣло намѣреніе сократить *косвеннымъ образомъ* надѣлъ крестьянъ землею, сдѣлавъ цифру принятою высшаго надѣла недосягаемою. Наконецъ, допущеніе различія между полевыми и пустошными угодьями, какъ полагаетъ хозяйственное отдѣленіе, повлечетъ за собою сохраненіе наименьшаго количества луговъ, у крестьянъ, поселенныхъ на самой скудной почвѣ, ибо у такихъ крестьянъ обыкновенно бываетъ пахатныхъ полей меньше, и слѣдственно, въ большей части случаевъ окажется вѣроятно за ними и менѣе значительное количество полевыхъ покосовъ, окаймляемыхъ ихъ полями и пашнями.

Противъ этихъ доводовъ хозяйственнаго отдѣленія я нахожу нужнымъ представить слѣдующія объясненія. Составляя правила о предоставленіи крестьянамъ въ обязательный

надѣлъ усадебныхъ, полевыхъ и выгонныхъ земель, Тверской комитетъ имѣлъ въ виду, что 1) этотъ способъ надѣла совершенно обезпечиваетъ бытъ крестьянъ, 2) представляется единственнымъ средствомъ для устраненія безчисленныхъ споровъ при отдѣленіи крестьянскаго надѣла и 3) значительно сокращаетъ размѣръ финансовой операціи, необходимой для выкупа отведенныхъ крестьянами земель.

Основательность этихъ соображеній очевидна.

I) Обязательное надѣленіе крестьянъ землею производится потому что бытъ крестьянъ связанъ съ почвою, на которой они поселены. Правила о надѣлѣ и оцѣнкѣ земли помимо согласія ея владѣльцевъ и крестьянъ допускаются въ этомъ случаѣ не въ смыслѣ общихъ правилъ объ опредѣленіи условій поземельнаго владѣнія, а въ смыслѣ временнаго отступленія отъ законоположеній, *какъ исключеніе, которое требуется въ видахъ государственной необходимости.* По этому, составляя правила о надѣлѣ крестьянъ землею, не слѣдуетъ забывать что эти мѣры оправдываются одною необходимостью

и не должны выходить изъ предполагаемыхъ ею предѣловъ. Соблюденіе этого условія имѣетъ не ясное значеніе, въ интересахъ какъ владѣльцевъ земли, такъ и крестьянъ. Лучшимъ и справедливѣйшимъ основаніемъ для опредѣленія условій поземельнаго владѣнія все-таки остаются добровольныя соглашенія. Всякія другія основанія не могутъ представить вѣрнаго обезпеченія заинтересованныхъ сторонъ. Это одно уже ведетъ къ заключенію, что обязательнымъ правиламъ могутъ подлежать только тѣ земли, которыя предоставляются крайненеобходимыми для обезпеченія крестьянъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть предоставлены добровольнымъ соглашеніямъ.

Слѣдуя этимъ справедливымъ началамъ — Тверской комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что для обезпеченія быта помѣщичьихъ крестьянъ Тверской губерніи нуженъ обязательный надѣлъ ихъ одними усадебными, полевыми и выгонными землями, полагая, что всѣ остальныя земли могутъ быть предоставлены добровольнымъ соглашеніямъ безъ всякаго посторонняго

вмѣшательства. Убѣжденія эти основывались на слѣдующихъ соображеніяхъ : Усадебныя, полевыя и выгонныя земли, находящіяся во владѣніи крестьянъ, заключаютъ въ себѣ всѣ угодья, которыя должны быть около самыхъ селеній и не допускать свободнаго выбора. Что же касается до остальныхъ запольныхъ и пустошныхъ земель, нужныхъ только для заготовленія сѣна на зиму, то онѣ легко могутъ быть нанимаемы или покупаемы на значительномъ пространствѣ отъ поселеній, и потому условія ихъ найма или пріобрѣтенія не могутъ зависѣть отъ чьего либо произвола. Выборъ этихъ земель не затрудненъ никакими обстоятельствами. Перевозка сѣна не тяжела. Сельскіе жители Тверской губерніи часто нанимаютъ луга для заготовленія сѣна за 20 и даже за 30 верстъ отъ мѣста своего жительства. Крестьянинъ не имѣетъ никакой надобности нанять непремѣнно тотъ или другой лугъ : ему предстоитъ выборъ ихъ на значительномъ пространствѣ у многихъ владѣльцевъ, и потому нѣтъ никакой необходимости подчинять вла-

дѣніе лугами общественнымъ правиламъ. И безъ того свобода крестьянъ и хозяйственный бытъ ихъ обезпеченъ. Притомъ предоставляя крестьянамъ полевыя земли, со всѣми входящими въ поле лугами, на сколько эти земли травятся скотомъ, Тверской комитетъ имѣлъ въ виду, что при этомъ надѣлѣ крестьяне повсемѣстно будутъ имѣть нѣкоторое количество сѣнныхъ покосовъ и частію будутъ обезпечены въ крайне-необходимомъ количествѣ сѣна. Въ Тверской губерніи почти нигдѣ нѣтъ особыхъ выгоновъ для скота. Между тѣмъ, къ полевымъ пахатнымъ землямъ *повсемѣстно* присоединяется бо́льшее или меньшее количество луговыхъ земель, раздѣленныхъ по числу полей и пріуроченныхъ къ соотвѣтствующимъ частямъ пахатныхъ земель. Такимъ образомъ, каждое поле заключаетъ въ себѣ, сверхъ пахатной земли, нѣкоторое количество луговъ, окружающихъ въ большей части случаевъ пахатныя земли, а иногда находящихся и среди этихъ земель. Эти луга, какъ извѣстно каждому знакомому съ сельскимъ хозяйствомъ Тверской

губерніи всегда составляютъ лучшую часть сѣнокосныхъ земель. Принадлежа полямъ и будучи раздѣлены на равныя части по числу полей, двѣ трети этихъ луговъ, которыя принадлежатъ къ полямъ, занятымъ хлѣбомъ, постоянно косятся, а остальная треть травится скотомъ вмѣстѣ съ паромъ. Количество луговъ, состоящихъ въ поляхъ чрезвычайно разнообразно, ибо оно опредѣляется мѣстными условіями; но можно съ достовѣрностью сказать, что оно очень часто превышаетъ количество пахатныхъ земель (иногда даже и втрое); хозяйственное отдѣленіе, кажется, не поняло значенія полевыхъ луговъ въ Тверской губерніи. Оно, какъ видно изъ вышеприведенныхъ словъ доклада, полагало, что Тверской комитетъ, подъ именемъ луговъ, входящихъ въ поля и травимыя скотомъ во время пара, разумѣется только тѣ луга, которые *окаймляются* пахатною землею и нахожденіе которыхъ среди полей совершенно случайно. Если понимать полевые луга такимъ образомъ, то разумѣется, что цифра высшаго надѣла на душу (4 десятины) сдѣлается недо-

сягаемою. Но количество полевыхъ луговъ въ Тверской губерніи опредѣляется не случаемъ, а потребностью выгона для скота. Это не луговины, случайно разбросанныя среди участковъ пахатной земли, а сѣнокосныя земли, нарочно присоединенныя къ полямъ, находящіяся бо́льшею частію *внѣ* пахатной земли и производящія лучшія травы. Народъ называетъ эти покосы *ржаными* и *яровыми* покосами. Есть даже названіе: *ржаное* и *яровое* сѣно. Подъ именемъ ржанаго разумѣется всегда лучшее сѣно, потому что ржаное поле доставляетъ лучшую траву по той причинѣ, что она скашивается во время цвѣта прежде уборки ржи. Количество этихъ луговъ не можетъ быть незначительно до такой степени какъ полагаетъ хозяйственное отдѣленіе. Это доказываетъ однимъ ихъ назначеніемъ. Если же принять во вниманіе, то, что полевые луга производятъ лучшую траву, то можно сказать, что крестьяне Тверской губерніи, при надѣлѣ ихъ полевыми землями, будутъ отчасти обезпечены въ заготовленіи сѣна на зиму самыми правилами положенія,

не говоря уже о возможности свободнаго выбора луговъ на большомъ пространствѣ по добровольнымъ соглашеніямъ. Чтобы вполнѣ понимать возможность найма особыхъ луговъ въ Тверской губерніи, надобно принять во вниманіе всѣ мѣстныя условія. Пустошныя земли до того разнообразны, что не допускаютъ никакихъ предположеній о средней ихъ оцѣнкѣ. Количество сѣна доставляемаго этими лугами, бываетъ отъ 30 до 100 пудовъ съ десятины, а если луга расположены по низкимъ мѣстамъ, орошаемымъ рѣками и ручьями, то доходятъ до 200 и даже до 500 пудовъ. Но хорошіе пустошные луга чрезвычайно рѣдки. Большею частію рѣки и ручьи Тверской губерніи текутъ въ высокихъ берегахъ, распаханныхъ до самаго гребня, а верхнія части ручьевъ и рѣкъ окружены болотами. По этому, наемныхъ луговъ почти нѣтъ, и сѣнокосы встрѣчаются большею частію въ лѣсныхъ пустошахъ, по суходолу или болоту. Сухіе покосы отличаются бѣдностію почвы и болотистою кислотою, при которой могутъ произрастать одни грубыя и малопи-

тательныя травы. Такіе обыкновенные луга могутъ свободно наниматься крестьянами даже *ниже* общественной повинности, предположенной Редакціонною коммиссіею за пользованіе послѣдними десятинами. Сверхъ того, по освобожденіи крестьянъ, условія найма этихъ луговъ будутъ еще благопріятнѣе для нанимающихъ. Упраздняя немедленно обязательный трудъ крестьянъ, Тверской комитетъ имѣлъ въ виду, что огромное количество естественныхъ луговъ остающихся у помѣщиковъ, не можетъ быть обработано наемными руками, и оставаться не нужнымъ для помѣщичьихъ хозяйствъ. Выгоды наемнаго хозяйства въ сѣверныхъ губерніяхъ требуютъ непремѣнно разведенія кормовыхъ травъ въ полевомъ сѣвооборотѣ. Это доказываютъ опыты всѣхъ сельскихъ хозяевъ, обработывающихъ землю наемными руками. На этомъ основаніи, можно смѣло сказать, что по уничтоженіи обязательнаго труда, предложеніе естественныхъ луговъ будетъ гораздо болѣе настоящаго, тогда какъ требованіе на нихъ не увеличится. По этимъ причинамъ

обязательная оцѣнка пустошныхъ земель крайне разнообразныхъ по своей продажной цѣнности (отъ 3 до 500 р. сер.), но большею частію обильныхъ производительностію, будетъ безполезною несправедливостью для одной изъ заинтересованныхъ сторонъ и всего чаще для самихъ крестьянъ, которыхъ быть желаютъ улучшить.

Притомъ Тверской комитетъ, при обсужденіи этого предмета имѣлъ въ виду еще слѣдующее. Дѣйствительная потребность крестьянъ въ землѣ, всего лучше можетъ быть опредѣлена самимъ размѣромъ обработываемой ими земли, зависѣвшимъ отъ собственнаго ихъ усмотрѣнія. Настоящее устройство полей и размѣры луговъ, принятыхъ въ составъ ихъ опредѣлены потребностями крестьянъ и сдѣланы въ большей части случаевъ по собственному ихъ усмотрѣнію. Что же касается до владѣнія остальными землями, то оно не имѣетъ никакихъ раціональныхъ основаній, и зависитъ отъ разныхъ случайностей, а болѣе всего отъ произвола владѣльца. По этому владѣніе полевыми землями представляется во всякомъ случаѣ

непремѣннымъ, необходимымъ тогда какъ владѣніе остальными является чѣмъ то случайнымъ, передаточнымъ. Изъ этого слѣдуетъ что обязательность отвода крестьянамъ полевыхъ земель оправдывается необходимостью и оттого наложеніе на крестьянъ обязанности принять въ свое владѣніе полевыя земли въ полномъ ихъ составѣ и на условіяхъ, опредѣленныхъ безъ участія ихъ свободной воли, не представляется насиліемъ, тѣмъ болѣе, что владѣніе этими землями составляетъ ихъ кровную необходимость, а размѣры полевыхъ угодій, состоящихъ въ ихъ владѣніи, безспорно соотвѣствуютъ ихъ потребностямъ. Притомъ, цѣнность полевыхъ угодій въ сѣверныхъ губерніяхъ, по причинѣ бѣдности почвы, за исключеніемъ наемныхъ земель во всякомъ случаѣ зависитъ отъ количества удобренія и качества обработки, и потому находится въ прямомъ отношеніи къ количеству народонаселенія. По этому оцѣнка земли по низходящей прогрессіи, по мѣрѣ увеличенія земельнаго надѣла на ревизскую душу мужескаго пола имѣетъ неоспоримое достоин-

ство къ отношенію усадебныхъ и полевыхъ земель, производительность которыхъ находится въ прямомъ отношеніи къ количеству пользующихся ими крестьянъ, (конечно за исключеніемъ наемныхъ земель требующихъ особой мѣстной оцѣнки) но въ отношеніи пустошныхъ земель этотъ способъ оцѣнки *не имѣетъ никакого значенія*. Пустошныя земли разнообразны и соединенія ихъ въ одно неразрывное цѣлое съ полевыми угодьями будетъ несправедливо въ каждомъ случаѣ для одной изъ сторонъ, и чаще всего для крестьянъ промышленныхъ мѣстностей, не имѣющихъ иногда никакой надобности въ этихъ земляхъ и владѣющихъ большими пространствами пустошныхъ безплодныхъ земель вслѣдствіе оставленія ихъ помѣщиками. Принимая же во вниманіе то обстоятельство, что размѣры полевыхъ луговъ Тверской губеніи повсемѣстно (за исключеніемъ весьма рѣдкихъ имѣній, гдѣ находятся особые выгоны), соотвѣтствуютъ потребностямъ крестьянъ и общей плотности народонаселенія, можно сказать съ достовѣрностью, что коли-

чество полевыхъ луговъ находится въ прямомъ отношеніи съ общимъ характеромъ мѣстности и степенью промышленнаго развитія. Изъ всего этого слѣдуетъ, что отводъ крестьянамъ Тверской губерніи земли по существующему владѣнію безъ различія полевыхъ угодій отъ прочихъ земель приведетъ къ тому, что въ нѣкоторыхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, болѣе богатыхъ естественной производительностію почвы, помѣщики не будутъ вознаграждены по справедливости за отводимыя крестьянамъ земли, а въ промышленныхъ мѣстахъ, гдѣ земли отличаются бѣдностью почвы, крестьяне будутъ платить безполезно за безплодныя и не нужныя имъ земли.

Надобно еще принять въ соображеніе, что географическое положеніе пустошныхъ владѣній въ большей части случаевъ не соотвѣтствуетъ выгодамъ крестьянъ, ими владѣющихъ. Очень часто помѣщичьи крестьяне, имѣя около самого селенія отдаваемыя въ наймы луговыя земли другихъ владѣльцевъ, принуждены пользоваться пустошными землями, находящимися

въ весьма далекомъ разстояніи, (иногда въ 30 и даже 50 верстахъ), а какъ эти случаи весьма часты, то соединеніе всѣхъ земель въ одну единицу надѣла безъ различія полевыхъ отъ пустошныхъ, не принося никакой пользы, помѣшаетъ еще выгодному распредѣленію угодій между сельскими жителями.

II) Притомъ, опредѣленіе надѣла крестьянъ землею по существующему владѣнію имѣетъ цѣлью устраненіе нескончаемыхъ затрудненій при обозначеніи границъ въ натурѣ. Въ отношеніи усадебныхъ полевыхъ и выгонныхъ земель Тверской губерніи, эта цѣль вполнѣ достигается. Эти угодья всегда вездѣ отдѣляются отъ остальныхъ земель какими нибудь признаками: рѣками, ручьями, оврагами, границами чужихъ дачь или изгородами. Здѣсь почти не можетъ быть спора о границахъ настоящаго владѣнія. Все дѣло окончится однимъ обходомъ землемѣра по безспорнымъ линіямъ. Притомъ количество этихъ земель почти всегда извѣстно и помѣщику и крестьянамъ, и можно полагать, что въ большей

части имѣній не потребуется и межевыхъ средствъ, для опредѣленія количества этихъ земель. Что же касается до владѣнія крестьянъ пустошными и запольными землями, то оно почти никогда не опредѣлено въ натурѣ. Даже найдется весьма мало имѣній, гдѣ это владѣніе было постояннымъ. Во всякой пустоши, во всякомъ запольномъ участкѣ земли встрѣтится совмѣстное владѣніе помѣщика и крестьянъ, неопредѣленное никакими признаками. Здѣсь лѣсъ находится въ постоянномъ владѣніи помѣщика, а крестьяне косятъ безчисленныя и весьма незначительныя луговинки. Тамъ крестьяне косятъ траву, а помѣщикъ выгоняетъ скотъ. Въ другомъ мѣстѣ крестьяне рубятъ кустарникъ на дрова, а коситъ помѣщикъ. Вездѣ, въ каждомъ участкѣ встрѣтится такой распорядокъ. При всемъ этомъ, во многихъ мѣстахъ окажется, что въ нынѣшнемъ году крестьяне пользуются однимъ мѣстомъ, въ прошломъ году пользовались другимъ, а въ запрошломъ лѣтѣ—третьимъ, да еще съ разными условіями, которыя измѣнялись каждый

годъ по разнымъ обстоятельствамъ. Спрашивается: будетъ ли конецъ всѣмъ спорамъ и разбирательствамъ по такому владѣнію? А между тѣмъ необходимо опредѣлить существующее постоянное владѣніе крестьянъ. Очевидно, что эти споры въ барщинныхъ имѣніяхъ никогда не кончатся и приведутъ къ тому, что крестьяне будутъ присвоивать себѣ всѣ помѣщичьи, запольныя и пустошныя земли, на томъ основаніи, что они въ разное время пользовались то тѣми, то другими участками. Притомъ недостатокъ межевыхъ средствъ замедлитъ отводы земли, а *медленность въ настоящемъ дѣлѣ опаснѣе всякихъ ошибокъ*. Такимъ образомъ соединеніе полевыхъ и пустошныхъ земель въ одну единицу будетъ служить поводомъ къ нескончаемымъ спорамъ, безпорядкамъ и къ совершенному уничтоженію въ народѣ идеи о правѣ собственности.

III) Сверхъ того, возможное уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ необходимо въ видахъ сокращенія финансовой операціи для выкупа ихъ въ собственность крестьянскихъ обществъ.

Конечно это уменьшеніе можетъ быть допущено въ такомъ размѣрѣ, чтобы оно не могло повредить самостоятельности крестьянскихъ обществъ и ихъ хозяйственному быту. Тверской же комитетъ считалъ возможнымъ и даже необходимымъ ограничиться надѣломъ однихъ усадебныхъ, полевыхъ и выгонныхъ земель.

Изъ всего вышеизложеннаго ясно видно, что Тверской комитетъ, при составленіи правилъ о надѣлѣ крестьянъ землею руководился мыслью общаго блага, какъ и во всѣхъ прочихъ занятіяхъ, и никакъ не желаніемъ *косвенными* и недостойными его назначенія путями сократить крестьянскіе надѣлы и сдѣлать высшій размѣръ ихъ недосягаемымъ. Предположенія хозяйственнаго отдѣленія Редакціонныхъ коммиссій, о такомъ образѣ дѣйствій большинства Тверскаго комитета, достаточно опровергаются моими объясненіями и въ особенности тѣмъ, что во многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ Тверской губерніи крестьяне пользуются въ однихъ поляхъ бо̀льшимъ противъ высшаго размѣра количествомъ земли. Я могу

представить этому примѣры въ разныхъ мѣстностяхъ, и даже въ Тверскомъ уѣздѣ больше всѣхъ населенномъ и малоземельномъ. (Въ Тверскомъ уѣздѣ, приходится не болѣе 4хъ десятинъ на каждаго жителя мужескаго пола, тогда какъ въ остальныхъ уѣздахъ Тверской губерніи приходится отъ 5 до 35 десятинъ). Принимая во вниманіе всѣ вышеизложенныя мною обстоятельства, я полагаю необходимымъ отдать въ обязательный надѣлъ крестьянъ усадебныя, полевыя и выгонныя земли по существующему владѣнію, предоставивъ условія о владѣніи всѣми остальными землями совершиться свободнымъ соглашеніемъ.

Если же правительство, не смотря на всѣ приведенныя мною доказательства выгодности этого надѣла, найдетъ необходимымъ допустить обязательный надѣлъ изъ запольныхъ и пустошныхъ земель, въ случаѣ крайней недостаточности полевыхъ луговъ, то я въ такомъ случаѣ считаю необходимымъ различеніе полевыхъ земель отъ прочихъ угодій. И въ такомъ случаѣ, первыя должны составлять одно нераз-

рывное цѣлое съ землями, исчисленными въ положеніи Тверскаго комитета т. е. такую единицу, которую крестьяне обязаны принять въ цѣломъ составѣ, а вторыя могутъ быть добавочнымъ надѣломъ, допускаемымъ только въ случаѣ неимѣнія извѣстнаго количества полевыхъ покосовъ и опредѣленнымъ цифрою, а не по существующему владѣнію, *и не иначе, какъ по требованію самихъ крестьянъ*. Все сказанное мною можетъ относиться еще болѣе до лѣсныхъ надѣловъ, которые я считаю не достигающими ихъ цѣли и совершенно невозможными на практикѣ. Само собою разумѣется, что лѣсные надѣлы возможны только въ лѣсныхъ мѣстностяхъ. Само хозяйственное отдѣленіе признало несправедливымъ допустить отпускъ крестьянамъ лѣсныхъ матеріяловъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ цѣнность лѣсныхъ угодій дошла до самыхъ высокихъ размѣровъ. Изъ этого неоспоримо слѣдуетъ, что правила о лѣсномъ надѣлѣ при всемъ ихъ совершенствѣ и лучшемъ исполненіи, могутъ обезпокоить крестьянъ въ полученіи лѣснаго матеріала только въ мѣстно-

стяхъ, изобилующихъ лѣсами (т. е. тамъ, гдѣ лѣсъ можетъ быть легко получаемъ крестьянами и безъ всякихъ обязательныхъ правилъ) и ни сколько не улучшатъ положенія крестьянъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ лѣсъ дорогъ и составляетъ предметъ кровной необходимости. Притомъ раздѣленіе Россіи на лѣсную, лѣсистую и безлѣсную, рѣшительно невозможно на практикѣ. Лѣсъ есть товаръ, котораго перевозка чрезвычайно затруднительна. Это доказывается лучше всего тѣмъ, что вывозъ лѣснаго матеріала изъ дачъ, находящихся въ разстояніи 20—25 верстъ отъ сплавныхъ рѣкъ, совершенно невыгоденъ. По этому самыя огромныя лѣсныя дачи имѣютъ вліяніе на цѣнность лѣса не далѣе 20 верстъ. По этимъ причинамъ и пользованіе лѣсомъ далѣе этого разстоянія дѣлается уже затруднительнымъ. Между тѣмъ, нигдѣ нельзя найти мѣстности, покрытой сплошнымъ лѣсомъ. Также трудно найти мѣстность совершенно безлѣсную, гдѣ не имѣлось бы ни одной значительной лѣсной дачи. Напротивъ, по затруднительности перевозки лѣсныхъ матеріаловъ,

мы находимъ очень часто мѣста изобилующія лѣсами и лишенныя сбыта лѣсныхъ матеріаловъ, рядомъ съ безлѣсными пространствами, не имѣющими вовсе топлива. Общее количество лѣсовъ въ извѣстной мѣстности ничего не значитъ въ этомъ отношеніи. Лѣсныя дачи при самомъ значительномъ пространствѣ ихъ, могутъ находиться въ одномъ мѣстѣ и снабжать весьма не многихъ жителей. По этимъ причинамъ, раздѣленіе уѣздовъ на лѣсные, лѣсистые и безлѣсные не можетъ имѣть никакихъ основаній. Доказательствомъ этому можетъ служить приведенное въ докладѣ хозяйственнаго отдѣленія No. 3, въ видѣ примѣра, причисленіе къ лѣсной полосѣ Россіи, двухъ уѣздовъ Тверской губерніи Высьегонскаго и Бѣжецкаго, въ которыхъ при всемъ значительномъ общемъ количествѣ лѣсовъ, есть огромныя безлѣсныя пространства, гдѣ лѣсные матеріалы весьма рѣдки и дороги. Такъ, вся юго-восточная часть Высьегонскаго уѣзда населена весьма густо и совершенно безлѣсна, тогда какъ западныя части, прилегающія къ Вышневолоцкому,

и сѣверная оконечность къ Новгородской губерніи, представляетъ совершенную пустыню, покрытую почти сплошнымъ лѣсомъ. Также въ Бѣжецкомъ уѣздѣ лѣса покрываютъ только западную часть, прилежащую къ Вышневолоцкому и Новоторжскому уѣздамъ, тогда какъ остальныя части уѣзда, и въ особенности къ г. Бѣжецку и Красному Холму, совершенно безлѣсны. По этому, не смотря на общее количество лѣсовъ, состоящихъ въ этихъ уѣздахъ, мы находимъ въ нихъ большія безконечныя пространства, народонаселенія которыхъ также и даже гораздо болѣе нуждаются въ лѣсныхъ матеріалахъ, нежели въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, которыя по общему пространству лѣсовъ могутъ быть причислены къ лѣсистой и даже лѣсной части Россіи. Въ этихъ послѣднихъ полосахъ всегда и вездѣ встрѣтятся уголки изобилующіе лѣсами. Изъ этого одного уже слѣдуетъ невозможность такого дѣленія по уѣздамъ. Мнѣ возразятъ, что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ положить границы лѣсныхъ мѣстностей, не слѣдуя административному раздѣленію уѣздовъ.

Но посмотримъ, возможно ли и нужно ли опредѣлить такія границы? Лѣса не расположены такъ систематически, а разбросаны какъ попало. Если слѣдовать строго географическому распредѣленію лѣсовъ, то границы лѣсныхъ пространствъ, должны почти совпасть съ опушками самыхъ лѣсовъ. Къ чему же поведетъ такое опредѣленіе лѣсныхъ мѣстностей? Положимъ, что мы нашли даже такой уѣздъ, котораго одна часть занята совершенно сплошнымъ лѣсомъ, а въ другой нѣтъ ни одного дерева, и раздѣлили его на двѣ полосы. Къ одной отнесли лѣсную пустыню, а къ другой густо-населенное и безлѣсное пространство, положивъ, что въ первой полосѣ крестьяне имѣютъ право на полученіе отъ помѣщиковъ топлива, а во второй не имѣютъ. Кажется, что это самый лучшій случай для приложенія правила. Но, что же мы сдѣлали? Мы положили давать крестьянамъ топливо только тамъ, гдѣ оно ничего не стоитъ, и нисколько не помогли крестянамъ, живущимъ почти рядомъ и крайне нуждающимся въ лѣсныхъ матеріалахъ. Изъ

этого оказывается, что при самомъ удобнѣйшемъ примѣненіи правила, о раздѣленіи Россіи на полосы, мы не сдѣлали никому никакой пользы. На это могутъ сказать, что составители правила, не имѣли въ виду такого блестящаго приложенія, но что они желали обезпечить крестьянъ топливомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лѣсъ стоитъ чего нибудь, но не составлаетъ слишкомъ большей цѣнности. Но какъ опредѣлить такія мѣстности? По общему пространству лѣсовъ? Невозможно. Мы видѣли, что это невозможно сдѣлать, ни по административному дѣленію, ни по географическому положенію лѣсовъ, ибо въ первомъ случаѣ въ одной и той же полосѣ могутъ встрѣтиться лѣсныя пустыни и совершенно безлѣсныя пространства, (что поведетъ къ несправедливымъ послѣдствіямъ), а въ другомъ случаѣ правила сдѣлаются совершенно безполезными. Всего бы лучше казалось, обозначить эти полосы по цѣнности лѣсныхъ матеріаловъ, но это также невозможно, потому что мѣстныя цѣны лѣсныхъ матеріаловъ: а) весьма

разнообразны на небольшихъ пространствахъ, б) чрезвычайно не постоянны, ибо зависятъ отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, и притомъ в) въ большей части случаевъ не соотвѣтствуютъ количеству лѣсовъ, произрастающихъ въ этихъ мѣстностяхъ. Мы сказали уже, что перевозка лѣса весьма затруднительна, и потому вліяніе самыхъ огромныхъ лѣсныхъ дачъ, не находящихся около сплавныхъ рѣкъ, ограничивается весьма небольшими пространствами (15-20 верстами.) Притомъ, эти дачи весьма часто находятся въ рукахъ немногихъ владѣльцевъ, а правильной торговли лѣсомъ нигдѣ нѣтъ. Продажа лѣса производится владѣльцами большею частію вслѣдствіе случайной настоятельной нужды въ деньгахъ, въ значительномъ количествѣ и въ самый короткій срокъ. По этому, стоитъ только одному лѣсовладѣльцу начать продажу лѣса, и цѣны мгновенно понижаются. Потомъ, по разпродажѣ всего участка, мѣстная цѣнность лѣсныхъ матеріаловъ, снова повышается. Наконецъ, около сплавныхъ рѣкъ, можно найти мѣста,

гдѣ не имѣется вовсе лѣсовъ, а между тѣмъ цѣны его весьма низки. Въ такихъ мѣстностяхъ, цѣны не зависятъ вовсе отъ количества произрастающихъ лѣсовъ, а отъ удобства сплава, количества сплавляемаго лѣса, и другихъ случайныхъ обстоятельствъ. Изъ всего этого видно, что дѣленіе губерній на полосы по цѣнности лѣсныхъ матеріаловъ до того затруднительно, что представляется совершенно невозможнымъ на практикѣ.

Притомъ, я считаю нужнымъ сказать, что отпускъ топлива изъ помѣщичьихъ лѣсовъ невозможенъ уже потому, что онъ будетъ имѣть послѣдствіемъ совмѣстное право помѣщиковъ и крестьянъ на одну землю, право, которое поведетъ къ нескончаемымъ спорамъ и можетъ совсѣмъ уничтожить въ народѣ и безъ того слабое понятіе о правѣ собственности на лѣсныя угодья, которыя народъ считаетъ общими, на томъ основаніи, что дикорастущій лѣсъ не есть дѣло человѣческихъ рукъ, (народъ называетъ лѣса "*Божьимъ лѣсомъ*" въ отличіе отъ садовъ и разведенныхъ рощъ). Наконецъ при

этомъ потребуется правительственный надзоръ не только за отпускомъ топлива, но даже за всѣмъ хозяйствомъ лѣсовладѣльцевъ. Конечно, продажа лѣсовъ, изъ которыхъ отпускается крестьянамъ топливо, не можетъ быть допущена безъ повѣрки общаго количества лѣсовъ, произрастающихъ въ имѣніи, и безъ разрѣшенія разныхъ властей. Я полагаю, что всѣ эти мѣры будутъ совершенно безполезны. При невозможности такой всеобщей опеки, владѣльцы всегда будутъ имѣть возможность обходить правила и продадутъ лѣса вездѣ, гдѣ они имѣютъ какую нибудь цѣнность. Такимъ образомъ, правила объ обезпеченіи крестьянъ топливомъ не достигнутъ своей цѣли именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, для которыхъ они составлялись, и, вдобавокъ къ тому, поведутъ къ истребленію болѣе драгоцѣнныхъ лѣсовъ.

Приведеніе количества топлива въ десятинную геометрическую мѣру также невозможно по крайнему разнообразію лѣсныхъ участковъ. Лѣсные торговцы, при всей опытности, не могутъ опредѣлить количество топлива на

десятинѣ. Притомъ, опредѣляя постоянные лѣсные участки для крестьянъ, нужно принимать въ разсчетъ не одно количество лѣснаго матеріала, представляющееся въ данную минуту, но и производительность самой почвы, а также и мѣстную цѣну лѣсовъ, опредѣленіе которой невозможно.

Все вышесказанное ведетъ къ заключенію, что отпускъ топлива и отводы лѣсныхъ участковъ не могутъ быть опредѣлены какими либо точными правилами, и будутъ совершенно зависѣть отъ произвола исполнителей. При этомъ, разумѣется, нельзя уже и говорить о соблюденіи справедливости въ отношеніи заинтересованныхъ сторонъ.

Одно условіе сохраненія за крестьянами прежняго пользованія топливомъ изъ помѣщичьихъ лѣсовъ ведетъ къ неравномѣрному и потому уже несправедливому надѣленію крестьянъ лѣсами. Во многихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ, гдѣ лѣсъ имѣетъ однако довольно высокую цѣнность, это правило поведетъ къ тому, что въ двухъ имѣніяхъ, находящихся рядомъ и

состоящихъ въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ, одни крестьяне будутъ надѣлены лѣсными матеріалами, а другіе ничего не получатъ. Между тѣмъ, неравномѣрность въ надѣленіи крестьянъ землями и въ разпредѣленіи ихъ повинностей можетъ уничтожить въ народѣ всякую идею о правѣ и повести къ безчисленнымъ волненіямъ. Ко всему этому надобно присовокупить, что опредѣленіе существующихъ размѣровъ пользованія топливомъ въ мѣстностяхъ, гдѣ лѣсные матеріалы имѣютъ нѣкоторую цѣнность, совершенно невозможно. Въ такихъ мѣстахъ, крестьяне рѣдко пользовались дровами изъ лѣсныхъ участковъ, а чаще всего получали топливо рубнаго болѣе или менѣе крупнаго дровянаго кустарника, произрастающаго на сѣнокосахъ. Такимъ обраомъ, полученіе топлива обусловливалось довольно цѣнною работою заключающеюся въ очищеніи сѣнокосовъ. Между тѣмъ, во всѣхъ мѣстностяхъ Тверской губерніи (разумѣется, кромѣ совершенно безлѣсныхъ) всякій владѣлецъ согласится дать такого рода топливо со своихъ сѣнокосовъ.

Если опредѣленіе настоящаго владѣнія крестьянъ лугами въ отдѣльныхъ пустошахъ представляется невозможнымъ, то какъ опредѣлить размѣры настоящаго пользованія лѣсами, подчиненное еще большему произволу?

Сверхъ того, при надѣленіи крестьянъ лѣсными участками, надобно предвидѣть невозможность правильнаго лѣснаго хозяйства при общинномъ владѣніи землею. Судя по опыту, можно сказать съ достовѣрностію, что лѣса, отводимые крестьянамъ, будутъ уничтожены въ продолженіи 2, 3 лѣтъ.

По всѣмъ вышеприведеннымъ причинамъ я считаю обязательное снабженіе крестьянъ топливомъ совершенно невозможнымъ и даже ненужнымъ. Само собою разумѣется, что въ чисто лѣсныхъ мѣстностяхъ топливо ничего не стоитъ и притомъ въ составъ крестьянскаго надѣла необходимо войдутъ лѣсныя пространства. Что же касается до мѣстностей, гдѣ значительная часть пространства ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$) занята лѣсами, тамъ лѣсные матеріалы цѣняться недорого и дровяные лѣса не стоятъ болѣе обыкно-

венныхъ пустошныхъ земель.* Тамъ покосы обыкновенно зарастаютъ дровянымъ лѣсомъ, который рубится нанимателями безъ особой платы. По этому вопросъ о снабженіи лѣсомъ въ этихъ мѣстахъ не имѣетъ большаго значенія. За тѣмъ останутся только чисто безлѣсныя мѣстности, но тамъ никакія правила не снабдятъ крестьянъ топливомъ.

Относительно измѣненій въ составѣ земель крестьянскаго надѣла (докладъ No. 6) я полагаю необходимымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. На основаніи всего сказаннаго мною о необходимости различія полевыхъ земель отъ пустошныхъ и запольныхъ, я полагаю необходимымъ постановить, что полевыя земли крестьянъ, какъ составляющія ихъ кровную необходимость, должны оставаться безъ всякаго измѣненія, если количество ихъ не превышаетъ положен-

* Четыре года тому назадъ я купилъ около своего имѣнія, состоящаго на границѣ Тверскаго и Старицкаго уѣздовъ на срубъ 10½ десятинъ дровянаго лѣса за 400 руб. ассигнаціями, что составитъ менѣе 11 руб. сереб. за десятину. Кромѣ значительнаго количества дровъ, я снялъ съ этого участка около 1,000 строевыхъ деревъ.

наго высшаго размѣра. Въ противномъ же случаѣ, при отдѣленіи излишней земли должно сохранить по возможности существовавшее прежде количественное отношеніе пахатныхъ и луговыхъ земель, состоявшихъ въ крестьянскихъ поляхъ (пол. большинства Тверскаго комитета, примѣч. къ ст. 54). Это весьма важно въ видахъ охраненія хозяйственнаго быта крестьянъ отъ произвола исполнителей. Необходимость и польза этого постановленія очевидны. По этому, по отводѣ крестьянамъ земли, не могутъ быть допущены никакія обмѣны полевыхъ земель безъ добровольныхъ соглашеній обѣихъ сторонъ (то же полож. ст. 76).

Хозяйственное отдѣленіе увеличило для нѣкоторыхъ уѣздовъ цифру высшаго размѣра крестьянскаго надѣла, принятую Тверскимъ комитетомъ (4 десятины). Оставивъ принятой Тверскимъ комитетомъ высшій размѣръ крестьянскаго надѣла только для Тверскаго, Зубцовскаго, Корчевскаго, Калязинскаго и Кашинскаго уѣздовъ, Редакціонныя коммиссіи положили

4½ десятины для Ржевскаго, Старицкаго Новоторжскаго и Бѣжецкаго; 5 десятинъ для Вышневолоцкаго и Весьегонскаго и 6 для Осташковскаго. Я высказалъ уже мнѣніе, что крестьяне всей Тверской губерніи достаточно обезпечиваются обязательнымъ надѣломъ однихъ усадебныхъ, полевыхъ и выгонныхъ земель въ количествѣ не превышающемъ 4 десятины. Но если даже присоединить къ обязательному надѣлу запольныя и пустошныя земли, то и тогда нѣтъ никакой надобности увеличивать цифру принятаго Тверскимъ комитетомъ высшаго надѣла. И теперь крестьяне пользуются въ дѣйствительности неболѣе этого количества. Остальныя земли не обрабатываются и лежатъ въ запустѣніи. Притомъ продажныя цѣны помѣщичьихъ имѣній почти одинаковы по всей губерніи. Если и существуетъ разнообразіе въ этихъ цѣнахъ, то оно никакъ не можетъ быть опредѣлено географически. По этому большинство Тверскаго комитета нашло нужнымъ принять одну цифру высшаго надѣла и одни цифры повинностей

по всей губерніи, обезпечивъ крестьянъ въ этомъ отношеніи добровольнымъ выкупомъ и сокращеніемъ срочно-обязаннаго періода до 3 лѣтъ. Эти положенія, не узаконяя несправедливыхъ послѣдствій, которыя могутъ произойти для частныхъ владѣльцевъ отъ различія цѣнъ по уѣздамъ, способствуютъ пониженію оцѣнки вездѣ, гдѣ она окажется высокою. Безпорно, что въ Тверской губерніи, какъ промышленной, весьма значительная часть цѣнности помѣщичьихъ имѣній заключается въ самомъ населеніи, и особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земель много и цѣны ихъ низки. Имѣя въ виду возможность получать выкупную сумму не иначе, какъ при согласіи крестьянъ, и право ихъ отказаться отъ владѣнія землею по истеченіи короткаго трехъ-лѣтняго періода, владѣльцы такихъ имѣній гдѣ оцѣнка представляется высокою, должны будутъ по необходимости увеличить надѣлы крестьянъ или уменьшить ихъ повинности изъ опасенія потерять значительную часть своего капитала. При этомъ интересы владѣльцевъ не могли бы

сильно пострадать отъ такихъ постановленій. Со стороны крестьянъ также явилось бы желаніе окончить дѣло полюбовно и остаться на прежнемъ мѣстѣ жительства. Такимъ образомъ добровольныя соглашенія обѣихъ сторонъ, заинтересованныхъ въ соглашеніи, могли бы исправить недостатки общей оцѣнки по цѣлой губерніи. Различіе же надѣловъ и оцѣнокъ по уѣздамъ Тверской губерніи, *при девятилѣтнемъ срочно-обязанномъ періодѣ*, будетъ имѣть совсѣмъ другія послѣдствія здѣсь уже не можетъ быть добровольныхъ соглашеній. Между тѣмъ, въ каждомъ уѣздѣ существуютъ разныя цѣны имѣній, географическое опредѣленіе которыхъ совершенно невозможно, и потому всякія цифры по уѣздамъ могутъ также несоотвѣтствовать цѣнамъ того или другого имѣнія, какъ и общія цифры по губерніи.

По этимъ причинамъ, я полагаю необходимымъ оставить одинъ высшій размѣръ надѣла по всей губерніи (4 десятины) съ одною оцѣнкою и всѣ выше упомянутыя положенія Тверскаго комитета, какъ единственное средство

справедливаго исправленія оцѣнокъ сообразно мѣстнымъ условіямъ. По этому я нахожу нужнымъ присовокупить, что сдѣланное разпредѣленіе уѣздовъ по мѣстностямъ для надѣла неправильно, а именно : Корчевской уѣздъ изобилуетъ болѣе землями, нежели Старицкій и большая часть Ржевскаго уѣзда. Притомъ уѣзды населены весьма не равномѣрно. Напр. Юговосточная часть Высьегонскаго уѣзда населена гораздо гуще нѣкоторыхъ частей Ржевскаго и Старицкаго уѣздовъ. Редакціонныя коммиссіи допускаютъ три рода повинностей: натуральную, денежную и смѣшанную.

Признавая обязательный трудъ не производительнымъ и вреднымъ для земледѣлія, Редакціонныя коммиссіи не рѣшились однако же уничтожить вовсе натуральной повинности, потому что помѣщичье хозяйство можетъ потерпѣть разстройство при трудности найма рабочихъ и что крестьяне не будутъ въ состояніи уплачивать оброки по не привычкѣ отлучаться на заработки.

Возраженіе на первый изъ этихъ доводовъ

находится въ самыхъ соображеніяхъ Редакціонныхъ коммиссій, по которымъ они признаютъ обязательный трудъ совершенно непроизводительнымъ и оцѣниваютъ его далеко ниже вольно-наемной заработной платы. Слѣдовательно, при наемномъ трудѣ для обработки господскихъ полей потребуется гораздо менѣе рукъ, а излишнія руки облегчатъ значительно наемъ рабочихъ. Съ этой цѣлію посмотримъ на цифры. Помѣщикамъ при введеніи наемнаго труда потребуется лишь двѣ трети рабочихъ рукъ изъ прежняго ихъ количества. Многіе утверждаютъ, что помѣщики при этомъ обойдутся только половиной, но въ избѣжаніе ошибки я принимаю двѣ трети. Имѣя въ виду отношеніе тяголъ къ душамъ (какъ $1 : 2\frac{1}{2}$) и число душъ крѣпостнаго рабочаго населенія въ 10,000,000, можно положить число тягловыхъ работниковъ въ Россіи до 4 милліоновъ. Чтобы опредѣлить число тягловыхъ рабочихъ, состоящихъ на издѣліи, отбросимъ третью часть оброчныхъ, потому что изъ вѣдомости, составленной въ земскомъ отдѣлѣ Министерства

внутреннихъ дѣлъ по 19 губерніямъ, въ которыхъ оброчные крестьяне отдѣлены отъ издѣльныхъ, первые къ вторымъ относятся какъ 1:2. Такимъ образомъ число издѣльныхъ тяголъ занятыхъ обработкою господскихъ полей въ Россіи будетъ около 2,666,000.

Если наемный трудъ потребуетъ двѣ трети рабочихъ, то для обработки всѣхъ господскихъ полей необходимо только 1,800,000 рабочихъ рукъ, а остальныя (слишкомъ 800,000) должны искать себѣ другихъ занятій. Но чтобъ занять эти излишнія руки промыслами въ Россіи не можетъ вдругъ явиться нужная для этого масса капиталовъ, и по необходимости эти рабочія руки должны будутъ искать работы на поляхъ помѣщиковъ. Слѣдовательно, всѣ возгласы о трудности найма рабочихъ изчезаютъ передъ этимъ сближеніемъ цифръ и я смѣло скажу что при уничтоженіи барщины, поглощающей теперь рабочія руки совершенно напрасно, наемъ рабочихъ облегчится значительно.

Сверхъ этого, мы видимъ на опытѣ, что наемныя хозяйства существуютъ и при нынѣ-

шнихъ обстоятельствахъ, когда средства найма рабочихъ подрываются почти повсемѣстной барщиной. Мы видимъ эти хозяйства даже въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ трудъ земледѣльца далеко менѣе вознаграждается противъ южной полосы Россіи. Неужели можно оспоривать истину, подтверждаемую и теоріей и практикой?

Еще менѣе заслуживаетъ вниманія другая причина, приводимая въ доказательство необходимости удержать обязательный трудъ безсрочно, какъ право для крестьянъ по недостатку заработковъ и непривычкѣ къ промысламъ. Я полагаю, что должно быть что нибудь одно изъ двухъ : или помѣщикамъ трудно нанимать рабочихъ, или крестьянамъ трудно наниматься. Мнѣ странно, какъ могло хозяйственное отдѣленіе привести эти два выраженія вмѣстѣ, когда одно изъ нихъ исключаетъ другое. Но, допустимъ, что они не исключаютъ другъ друга. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ обязательнаго труда развѣ не откроются крестьянамъ средства заработать свои повинности на господскихъ поляхъ, —гдѣ вслѣдствіе развитія раціональнаго хо-

зяйства при вольномъ трудѣ сдѣлаются выгодными многія улучшенія, на которыя не обращалось до сего времени никакого вниманія, и потому лишнія руки всегда найдутъ себѣ занятіе. Разница будетъ состоять лишь въ томъ, что эти повинности будутъ регулированы на основаніи добровольныхъ соглашеній и при свободной конкуренціи, какъ нанимателей такъ и рабочихъ, и слѣдовательно, съ соблюденіемъ самой строгой справедливости, чего и думать нельзя при регламентаціи ихъ здѣсь, въ Петербургѣ, лицами лишь отчасти знакомыми съ разнообразными мѣстными условіями Россіи. При оцѣнкѣ работъ мало знать наглядно работу: надобно самому испытать эту работу въ каждой мѣстности; надобно находиться въ положеніи работника, а потому соглашеніе работника и нанимателя здѣсь необходимо. Въ соображеніяхъ хозяйственнаго отдѣленія говорится: *еслибъ даже натуральная повинность и была уничтожена, то на фактъ она бы удержалась и правительство обязано бы было ее регулировать.* Это совершенно справедливо поведетъ къ

другому заключенію. Если натуральная повинность будетъ совершенно уничтожена положеніемъ, то на фактѣ она удержится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по добровольнымъ соглашеніямъ. Я спрашиваю : для чего же регулировать правительству то, что̀ можетъ быть лучше всего регулировано самой жизнію? Развѣ только изъ любви къ искуству. По этимъ причинамъ я не вижу никакой нужды въ оставленіи барщины, какъ права для крестьянъ. Я понимаю лицъ защищающихъ барщину, какъ право для помѣщика. Они боятся незначительныхъ временныхъ убытковъ,—не понимая, что этимъ путемъ дойдутъ до громадныхъ потерь, они видятъ, что немедленное уничтоженіе барщины потребуетъ съ ихъ стороны дѣятельности какъ умственной, такъ и физической, къ которой они не привыкли, и нѣкоторыхъ временныхъ пожертвованій, но не видятъ, что избѣгая этой дѣятельности и этихъ незначительныхъ пожертвованій, они ведутъ къ гибели не только самихъ себя, но и цѣлую Россію. Ихъ лѣность до того велика, что они даже не обращаютъ

вниманія на слова своихъ противниковъ, не стараются даже взвѣсить, что̀ есть справедливаго въ этихъ словахъ и съ полною самоувѣренностію говорятъ, что все это "pia desideria." Мнѣ кажется страннымъ, что при обсужденіи настоящаго вопроса гг. члены Редакціонной коммиссіи не обратили вниманія на обстоятельство чрезвычайной важности, отъ котораго страдаетъ вся Россія. Это—бѣдственное состояніе нашего денежнаго курса. Съ достовѣрностію можно сказать, что немедленное и повсемѣстное уничтоженіе обязательнаго труда есть единственное возможное въ настоящихъ обстоятельствахъ и сколько нибудь дѣйствительное средство къ возвышенію нашего денежнаго курса. Неоспоримо, что съ прекращеніемъ барщины число оборотовъ въ государствѣ увеличится въ большихъ размѣрахъ и потребуетъ значительнаго количества денежныхъ знаковъ. Очевидно, что помѣщичьи хозяйства при наемномъ трудѣ потребуютъ до 100 милл. рублей денежныхъ знаковъ, излишнихъ противъ теперешняго ихъ количества. А

если это такъ, то принявши въ разсчетъ развитіе нашей промышленности въ послѣдніе годы, быть можетъ, не будетъ необходимости извлекать изъ обращенія наши кредитные билеты. Во всякомъ же случаѣ, если и предвидится эта необходимость, то уже не въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какъ это требуется настоящимъ положеніемъ нашего денежнаго рынка. Еслибъ даже при этомъ немедленномъ уничтоженіи обязательнаго труда и были какія нибудь потери для владѣльцевъ, то они нашли бы себѣ вознагражденіе въ самомъ возвышеніи денежнаго курса, отъ котораго они страдаютъ вмѣстѣ со всѣми. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что немедленнаго уничтоженія барщины и быть не можетъ, ибо все-таки полагается срокъ для приведенія Положенія въ исполненіе, совершенно достаточный для перехода къ наемному труду.

Выше было сказано, что регламентація натуральной повинности невозможна. Я прибавлю, что она поведетъ даже къ гибельнымъ послѣдствіямъ, способнымъ извратить весь

смыслъ предстоящей реформы и уничтожить всѣ благія намѣренія Государя Императора.

Чтобы доказать это, я обращаюсь къ трудамъ хозяйственнаго отдѣленія Редакціонной коммиссіи по этому предмету.

Гг. члены коммиссіи при всей своей добросовѣстности не могли удержаться на строгой справедливости и перешли въ крайность. Подобное увлеченіе весьма понятно. Человѣкъ сознающій всю неестественность отношеній, проистекающихъ изъ обязательнаго труда, и убѣжденный въ тяжести его для крестьянина вообще и въ особенности вслѣдствіе злоупотребленій, неразлучныхъ съ крѣпостнымъ правомъ, легко можетъ забыть, что уничтоженіемъ крѣпостнаго права, гораздо возможнѣе неисполненіе обязанностей работниковъ, чѣмъ— незаконныхъ требованій со стороны помѣщиковъ. При такомъ условіи натуральная повинность уже не дѣлается весьма тягостнымъ бременемъ для крестьянина и не представляетъ такой выгоды помѣщику, какъ прежде. Разсматривая труды хозяйственнаго отдѣленія, мнѣ

кажется, что члены его были проникнуты убѣжденіемъ, что натуральная повинность наиболѣе выгодна помѣщику, и старались всячески поставить помѣщика въ необходимость переводить крестьянъ на оброкъ, забывая при этомъ, что обязательный трудъ свободнаго человѣка совершенно невозможенъ на практикѣ и что самымъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права помѣщики поставлены въ совершенную невозможность сохранять обязательный трудъ. Поставляя барщину въ условія двухъ-дневной работы за maximum надѣла безъ всякаго *дѣйствительнаго* обезпеченія въ исправномъ отправленіи натуральныхъ повинностей и въ тоже время постановляя чрезвычайно тяжелую круговую отвѣтственность въ отправленіи денежныхъ повинностей, хозяйственное отдѣленіе ясно сознаетъ для крестьянъ возможность пользоваться землею почти даромъ, и врядъ ли кто либо изъ крестьянъ, даже въ самыхъ промышленныхъ мѣстностяхъ, предпочтетъ денежную повинность натуральной, тѣмъ болѣе, что онъ пойметъ и скоро убѣдится въ невозможности

преслѣдовать его за лѣность и нерадѣніе на барщинѣ. Постараемся представить этому неопровержимыя доказательства. При нынѣшнемъ порядкѣ вещей, когда крестьяне работаютъ на помѣщика три дня въ недѣлю (и даже болѣе въ случаѣ злоупотребленій), два работника въ домѣ при среднемъ надѣлѣ крестьянъ землею, легко исправляютъ всѣ домашнія и господскія работы. Ясно, что при уменьшеніи надѣловъ и господскихъ работъ, одинъ работникъ будетъ имѣть возможность исполнить всѣ домашнія работы и натуральную повинность. Одинъ работникъ и безъ того всегда долженъ оставаться дома для своей работы; онъ же исполнитъ и барщинную повинность между дѣломъ. Къ чему же онъ приметъ на себя денежную повинность, для уплаты которой онъ долженъ употребить часть заработковъ добытыхъ на сторонѣ. Изъ этого видно, что собственная выгода крестьянъ заставитъ ихъ отказываться отъ денежной повинности, тѣмъ болѣе, что натуральная повинность можетъ быть отправляема ими какъ попало.

Ко всему этому надобно прибавить, что круговое поручительство, чрезвычайно строгое при денежной повинности, ограничивается при натуральной только высылкою извѣстнаго числа рабочихъ; за качество же и количество работы круговой поруки нѣтъ и быть не можетъ. Это послужитъ также къ тому, что крестьяне во многихъ случаяхъ предпочтутъ барщину оброчному состоянію. Круговая порука, хотя и необходима въ извѣстной мѣрѣ, одна не привлекательна и противорѣчитъ строгой справедливости. Крестьяне наши вполнѣ сознаютъ это и страшно тяготятся подобнымъ учрежденіемъ, гдѣ оно есть.

По этому съ достовѣрностію можно сказать, что при подобныхъ условіяхъ барщина останется почти вездѣ, гдѣ она существуетъ теперь, и согласить крестьянъ на переходъ къ денежной повинности не представится никакой возможности.

Посмотримъ же, какія слѣдствія будутъ возникать для помѣщиковъ отъ такого порядка вещей. Во первыхъ, вслѣдствіе уменьшенія

числа дней, барщина уменьшена по предположеніямъ коммиссіи въ полтора раза, кромѣ того увѣренность крестьянина, что помѣщикъ не имѣетъ права на понудительныя мѣры, даетъ ему возможность работать хуже прежняго. По одному этому помѣщикъ будетъ лишенъ всякой возможности поддержать хозяйство въ томъ видѣ, какъ оно было до сихъ поръ, и необходимо долженъ будетъ уменьшить его. Во вторыхъ, по предположеніямъ коммиссіи, отдѣльные крестьянскіе дворы имѣютъ право замѣнять свою работу денежной повинностію. Хотя для крестьянъ и выгодна натуральная повинность, однако ея будутъ держаться преимущественно малосемейные крестьяне; многосемейные и зажиточные крестьяне, которые своею исправностію были бы выгодны на издѣльной работѣ, будутъ переходить на оброкъ, и помѣщикъ съ каждымъ годомъ долженъ будетъ ограничивать свое хозяйство.

Оба эти обстоятельства показываютъ ясно, что цѣль коммиссіи о поддержаніи помѣщичьихъ хозяйствъ обязательнымъ трудомъ, не

достигается. Но мнѣ могутъ возразить, что если помѣщикъ можетъ найти вольнонаемныхъ рабочихъ, то онъ будетъ дополнять наемнымъ трудомъ то, чего будетъ не доставать въ трудѣ обязательномъ. На это я скажу, что наемный трудъ возможенъ лишь при совершенномъ отсутствіи обязательнаго, какъ потому, что барщина напрасно поглощаетъ множество рабочихъ рукъ, такъ и потому, что совмѣстная работа обязательныхъ и наемныхъ работниковъ совершенно невозможна. При такой работѣ наемный работникъ всегда будетъ работать не лучше барщиннаго, т. е. въ совершенный убытокъ нанимающаго. Сверхъ того жалованье наемныхъ рабочихъ поселитъ зависть въ обязательныхъ, и постоянныя интриги между ними поставятъ въ совершенную невозможность водворить въ хозяйствѣ какой нибудь порядокъ. Это подтвердятъ всѣ помѣщики имѣвшіе наемныхъ работниковъ при существованіи барщины. Быть можетъ, мнѣ возразятъ, что всѣ представленныя мною соображенія относятся лишь къ неурочнымъ работамъ, что же касается

до урочныхъ, то онѣ могутъ быть исполняемы также выгодно, какъ и наемнымъ трудомъ. Но это только кажется для людей, знакомыхъ съ дѣломъ поверхностно. Если законъ и можетъ опредѣлить съ точностію количество работъ, то никогда не въ состояніи опредѣлить ихъ качества. Вспахать десятину можно легко въ двѣ сохи и трудно вспахать ту же самую десятину въ четыре сохи. Это зависитъ отъ качества работъ, ширины пласта, глубины пашни и грунта земли. Знакомый съ дѣломъ хозяинъ, не имѣя свѣденія о качествѣ работъ и грунтѣ земли никогда не возмется опредѣлить по числу людей успѣхъ работы. Грунтъ земли имѣетъ огромное вліяніе на время работы. Онъ можетъ быть глинистый, черноземный, иловатый или песчаный, между которыми есть множество оттѣнковъ, которыхъ опредѣлить невозможно. Опредѣленіе количества работницъ для жатвы, зависитъ совершенно отъ урожаевъ. Не все равно сжать десятину ржанаго хлѣба, гдѣ менѣе 1,000 сноповъ, и десятину гдѣ ихъ бываетъ до 2,000. Качество этой работы имѣетъ также

большое значеніе. При поспѣшной работѣ хлѣбъ снимается нечисто и оставляется бездна колосьевъ. При томъ можно жать высоко и оставлять много соломы на полѣ, что составитъ значительный убытокъ помѣщику. Все, что сказано о жатвѣ, можетъ относиться и къ кошенію травы, и сверхъ того здѣсь будетъ имѣть большое значеніе чистота покосовъ. Большая часть сѣнокосныхъ земель въ Тверской губерніи покрыта кустарникомъ, при чемъ никакой учетъ въ работѣ невозможенъ. Возможно ли опредѣлить въ урочномъ положеніи всѣ эти безчисленныя обстоятельства? Изъ всего сказаннаго ясно, что всякое урочное положеніе останется лишь писанною бумагою безъ всякаго примѣненія на дѣлѣ. Урочныя положенія могутъ быть опредѣляемы не иначе, какъ на самомъ мѣстѣ и самимъ распорядителемъ работъ, и потому могутъ быть только слѣдствіемъ или произвола, какъ это было при крѣпостномъ правѣ, или добровольныхъ соглашеній владѣльцевъ съ наемными рабочими. Но при обязательномъ трудѣ свободныхъ людей ни тотъ, ни

другой способъ невозможенъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ невозможна и барщина. По моему глубокому убѣжденію, барщина и произволъ крѣпостнаго права связаны между собою неразрывно; для поддержанія барщины необходимъ весь произволъ помѣщичьей власти. Можно даже не употреблять строгости, но надо имѣть право употреблять, чтобы поддерживать такое неестественное отправленіе повинностей. Но такой порядокъ не согласенъ съ началами, которыя положены въ основаніи реформы.

И такъ я считаю доказаннымъ, что съ прекращеніемъ крѣпостнаго права натуральныя повинности невозможны уже потому, что не могутъ имѣть никакой положительной цѣнности. Если крестьяне будутъ имѣть право на сохраненіе барщины, то помѣщики по одному произволу крестьянъ и безъ всякой нужды будутъ лишены возможности устроить наемныя хозяйства, и потому съ земли, отданной въ надѣлъ крестьянамъ, не получатъ ни работы, ни денегъ. Крестьяне скоро поймутъ выгоду этого положенія и едвали согласятся

даже и на выкупъ земельныхъ участковъ. Быть можетъ, найдутся и такіе помѣщики, которые съ умысломъ оставятъ дѣла въ такомъ положеніи, чтобы лишить крестьянъ права выкупа земли. Что́ же станется въ такомъ случаѣ съ видами государя о необходимости сдѣлать крестьянъ собственниками земли? Что же станется съ мыслію о выкупѣ?

Но посмотримъ, что остается дѣлать въ такомъ случаѣ небогатому помѣщику, который можетъ раззориться въ продолженіи 3-4 лѣтъ барщиннаго періода. Онъ будетъ поставленъ въ необходимость искать себѣ вознагражденія путями косвенными и даже не законными, къ которымъ положеніе хозяйственнаго отдѣленія даетъ большой поводъ. Такъ, въ докладѣ хозяйственнаго отдѣленія No. 12 сказано, что помѣщикъ можетъ не принять неисправнаго работника, и считать день въ недоимкѣ за крестьянами. Понятіе о исправности и неисправности до того произвольно, что помѣщикъ можетъ всегда быть правымъ, отсылая работника подъ этимъ предлогомъ, а

крестьяне никогда не будутъ виноваты. Какой судья можетъ постановить заключеніе въ такомъ случаѣ? Здѣсь основаніемъ рѣшенія можетъ быть одно личное усмотрѣніе, чистый произволъ и ничего болѣе. Къ какимъ безчисленнымъ столкновеніямъ можетъ повести подобный законъ и сколько дастъ онъ поживы разнымъ властямъ, въ особенности въ томъ случаѣ, если сохранится существующая система управленія и суда? Далѣе: въ докладѣ No. 16 сказано, что работы должны быть сообразны съ силами работника и работницы, а также съ поломъ рабочихъ. Это положеніе такъ темно, что имъ могутъ пользоваться, какъ угодно. Очередные списки, контромарки въ отправленіи извѣстной работы и учетъ ея ничего не помогутъ. Все это дѣла письменныя, а крестьяне не грамотны. Въ этихъ случаяхъ крестьянинъ не найдетъ себѣ суда уже потому, что помѣщикъ, раззоренный новымъ положеніемъ, всегда найдетъ болѣе сочувствія въ предержащихъ властяхъ, нежели крестьянинъ. Кромѣ того помѣщикъ будетъ имѣть и другія средства притѣснять крестьянъ,

чему не мало поможетъ извѣстная распущенность, отъ которой онъ еще долго не отвыкнетъ. Все это представитъ много причинъ къ постояннымъ столкновеніямъ и враждѣ, которая поведетъ прямо къ употребленію топоровъ.

Мнѣ остается сказать о тѣхъ обезпеченіяхъ, которыми ограждены права помѣщика въ случаяхъ неисправнаго исполненія крестьянами натуральныхъ повинностей. 1) "*Если крестьяне не придутъ вовсе на работу, то помѣщикъ имѣетъ право нанять вольныхъ рабочихъ*, (да онъ и безъ того имѣетъ это право) *и принести жалобу какому то неизвѣстному присутствію, которое немедленно дѣлаетъ изслѣдованіе, и если жалоба окажется справедливою, то удовлетворяетъ помѣщика вполнѣ.*" Во-первыхъ, чтобы судить о дѣйствительности этой мѣры, надобно знать, какое это присутствіе, на какихъ началахъ оно основано, какой и передъ кѣмъ отвѣтственности подлежатъ его члены за неисполненіе законовъ. Во-вторыхъ, изъ какого имущества крестьянъ и какимъ образомъ помѣщикъ будетъ удовле-

творенъ? Я не говорю уже о неисполнимости этого положенія. Оно очевидно. Притомъ я нахожу нужнымъ только замѣтить, что это положеніе находится въ противурѣчіи съ заключеніемъ доклада No. 16, гдѣ сказано, что оставшіеся въ недоимкѣ рабочіе дни, въ случаѣ неотработки ихъ въ теченіи трехъ дней, переводятся въ денежную недоимку, въ четверо противъ рабочаго дня. 2) "*Если крестьянинъ дурно исполнилъ работу, то помѣщикъ можетъ заявить старостѣ или выборному при свидѣтелѣ, хотя бы постороннемъ,*" (но кажется не посторонній свидѣтель не можетъ быть вовсе свидѣтелемъ), "*и тогда виновный обязывается*" (но онъ и прежде былъ обязанъ, но не выполнилъ,) *окончить работу и подвергается взысканію, какое за то будетъ установлено.*" Не мѣшало бы знать, какое это взысканіе, когда и кѣмъ оно будетъ установлено.

Вотъ и всѣ гарантіи барщины, да больше ихъ и *быть не можетъ* при освобожденіи крестьянъ. Если представить себѣ, что случаи

жалобъ представятся часто, тогда неизвѣстныя присутствія не будутъ въ состояніи не только немедленно, но и когда нибудь исполнять требованія владѣльцевъ. Неужели русскій крестьянинъ такъ глупъ, что не пойметъ безъ отвѣтственности своего положенія и будетъ точно исполнять свои обязанности, или перейдетъ къ денежной повинности, поставленной въ самыя тяжелыя условія?

Мнѣ пожалуй скажутъ, что право крестьянъ на барщину можетъ быть уничтожено впослѣдствіи особымъ распоряженіемъ правительства, и что такимъ образомъ недостатки приготовляемаго теперь положенія могутъ быть своевременно исправлены. Но я нахожу все таки нужнымъ сказать, что обязательный трудъ долженъ быть *непремѣнно уничтоженъ самимъ положеніемъ*, въ которомъ право на барщину обѣихъ сторонъ должно быть ограничено однимъ срокомъ и не болѣе какъ одногодѣтнимъ. Безъ этого правительство никакими распоряженіями не будетъ въ состояніи уничтожить то зло, которое будетъ послѣдствіемъ

безсрочнаго сохраненія барщины въ положеніи о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Я утверждаю это, основываясь на слѣдующихъ неоспоримыхъ соображеніяхъ. Сельское хозяйство есть промышленность, которая менѣе всѣхъ прочихъ способна выносить какія бы то ни было неожиданныя перемѣны. Сельскому хозяину гораздо выгоднѣе, чтобы реформа была сдѣлана заразъ, а потомъ оставили бы его въ совершенномъ покоѣ. Но что̀ ему нужно болѣе всего,—это положительное извѣщеніе о новомъ порядкѣ вещей. Ему нужно имѣть возможность сдѣлать вѣрный разсчетъ. Узнавъ о предстоящихъ преобразованіяхъ, а также и объ уничтоженіи обязательнаго труда за годъ, онъ приготовится заблаговременно къ реформѣ, и успѣетъ обзавестись всѣмъ необходимымъ для устройства наемнаго хозяйства. Крестьяне въ этотъ періодъ времени также легко могутъ пріискать работу. Совсѣмъ другое ожидаетъ сельскаго хозяина, если его будущее положеніе неизвѣстно заранѣе, и въ особенности если оно зависитъ отъ чужаго

произвола, какъ это и будетъ въ томъ случаѣ, когда за крестьянами останется право на барщину уже послѣ того, какъ прекратится право помѣщика на обязательный трудъ. Читая подобное постановленіе, помѣщикъ не будетъ знать, что дѣлать и къ чему готовиться. Такъ какъ положеніе его хозяйства будетъ зависѣть отъ произвола крестьянъ, то онъ долженъ быть готовъ *на всякій случай*, а это самое можетъ совсѣмъ раззорить хозяйство. Мнѣ возразятъ, что крестьяне о желаніи своемъ перейти на оброкъ обязаны объявлять заблаговременно (до 1го Января,) за четыре мѣсяца до освобожденія ихъ отъ работъ (1го Апрѣля), и что по этому помѣщикъ можетъ приготовиться, нанять рабочихъ и т. д. Но это могутъ говорить люди, незнающіе сельскаго быта. За четыре мѣсяца до начала весеннихъ работъ нельзя выгодно обзавестись необходимымъ для наемнаго хозяйства; это возможно сдѣлать выгодно только за годъ до перехода къ наемному труду. Такъ какъ плодородіе почвы въ сѣверныхъ губерніяхъ, зависитъ отъ количества

удобренія, и потому требуетъ содержанія скота, а естественныя луговыя земли большею частію непроизводительны, то помѣщики были принуждены косить огромныя пространства, съ которыхъ снятіе травы не вознаграждаетъ трудъ и весьма невыгодно при наемномъ хозяйствѣ. Травосѣяніе въ поляхъ было бы гораздо выгоднѣе, но оно требуетъ болѣе сильныхъ лошадей и лучшихъ орудій, а помѣщикъ получалъ барщинную работу крестьянъ съ ихъ тощими лошадьми и дурными орудіями. Чтобы выгодно перейти къ наемному труду при дурныхъ естественныхъ лугахъ, нужно начать посѣвъ кормовыхъ травъ, *непремѣнно за годъ* до уничтоженія обязательнаго труда, и притомъ завести съ осени рабочихъ лошадей и заказать улучшенныя орудія. Сверхъ того, для обращенія съ новыми орудіями надобно нанять заблаговременно знающаго человѣка, который бы пріучилъ рабочихъ къ этому способу обработки. Для этого, разумѣется, надобно быть положительно увѣреннымъ въ прекращеніи барщины. Иначе хозяинъ рискуетъ на

большія потери. Барщина свободныхъ срочно-обязательныхъ крестьянъ съ собственными лошадьми и орудіями вовсе не подвинутъ нивъ, засѣянныхъ кормовыми травами. Если же помѣщикъ дастъ обязаннымъ рабочимъ свои орудія и своихъ лошадей, то они испортятъ ихъ и ничего не сдѣлаютъ. Такимъ образомъ помѣщикъ потеряетъ весь капиталъ, употребленный на обзаведеніе. Притомъ, крестьяне, увидѣвъ выгоду своего положенія, могутъ имъ воспользоваться и тянуть барщину, въ тѣхъ видахъ, что раззоряющійся помѣщикъ, затративший значительный капиталъ, дойдетъ наконецъ до отчаянія, и отдастъ имъ землю даромъ для того только, чтобы окончательно развязаться съ ними и не потерять все остальное. Этого достаточно для совершеннаго раззоренія средняго помѣщичьяго хозяйства, въ продолженіи 2-3 лѣтъ. Вотъ неминуемыя послѣдствія права крестьянъ на барщину. Это можетъ предвидѣть всякій сельскій хозяинъ. Но положимъ (и это еще вѣроятнѣе), что помѣщикъ въ такомъ положеніи не будетъ приготовляться вовсе къ

наемному хозяйству. Въ такомъ случаѣ, сколько будетъ потеряно времени безполезно, и даже вредно въ интересахъ всего государственнаго хозяйства? За чѣмъ же разстроивать помѣщичьи хозяйства безъ всякой пользы для кого бы то ни было? Когда всѣ крестьяне нашей губерніи имѣютъ привычку заработывать деньги промыслами и притомъ могутъ получать ихъ нанимаясь для работы въ тѣхъ же помѣщичьихъ имѣніяхъ? Не лучше ли объявить, что черезъ годъ по обнародованіи положенія обязательный трудъ на всегда упраздняется. Въ такомъ случаѣ, обѣ стороны будутъ имѣть время приготовиться къ этой перемѣнѣ и найти средства къ поддержанію своего хозяйственнаго быта.

Съ другой стороны, обязательный трудъ освобожденныхъ крестьянъ, неминуемо развратитъ нравъ возрождающагося сословія. Это неестественное положеніе, соединенное съ полною возможностью не исполнять постановленныхъ правилъ, обманывать, спорить, затѣвать нескончаемыя тяжбы и вымогать уступки,

превратитъ это сословіе въ какихъ-то *рыночныхъ кулаковъ*, уничтоживъ въ нихъ всякую идею о правахъ и обязанностяхъ, и даже о человѣческомъ ихъ достоинствѣ. А это зло въ послѣдствіи ничѣмъ не можетъ быть исправлено.

Наконецъ, къ чему же мы приведемъ владѣльцевъ, сохраняя барщину? Можно ли такъ безцеремонно обращаться съ интересами цѣлаго сословія, и въ особенности того сословія, къ которому принадлежатъ и правительственные и выборные чиновники, въ рукахъ котораго находится, и еще должна находиться, вся мѣстная, полицейская, судебная и административная власть. Что, если это сословіе, видя свое безвыходное положеніе, употребитъ всѣ средства, въ его рукахъ состоящія, чтобъ обходить законы и извращать ихъ смыслъ? Какое понятіе получитъ вновь возраждаемый народъ и о властяхъ, которыя такъ дѣйствуютъ, и о законахъ, съ которыми можно такъ поступать? Я не рѣшаюсь говорить о томъ, на что можетъ рѣшиться народъ, поставленный лицемъ къ

лицу съ такими властями и съ такими законами...

Разсмотрѣвъ доклады No. 11 и 14 о мѣрахъ обезпеченія поступленія повинностей, я долженъ сказать, что заключенія хозяйственнаго отдѣленія по этому предмету не соотвѣтствуютъ вовсе духу настоящаго преобразованія, и что предлагаемыя мѣры не могутъ обезпечить исправнаго поступленія повинностей, а скорѣе будутъ поводомъ къ накопленію недоимокъ. (Разумѣется, я говорю только о мѣрахъ взысканія денежныхъ повинностей, не касаясь вовсе барщинной, которая при новомъ порядкѣ вещей, не можетъ быть ничѣмъ обезпечена). Главный недостатокъ предположеній Редакціонныхъ коммиссій по этому предмету, я нахожу въ томъ, что мірскія общества обязываются разлагать недоимки отдѣльныхъ крестьянъ, уравнительно на всѣхъ остальныхъ членовъ общества и вносить всю слѣдующую съ общества сумму къ положительному сроку, *не дожидаясь* взысканія съ неисправныхъ плательщиковъ. Это положеніе, поставляя общую

поголовную отвѣтственность впередъ личной, поглощаетъ совершенно личность въ пользу массы. Разумѣется, при такомъ порядкѣ вещей надобно отдать человѣка въ произвольное распоряженіе массы, почти въ ту же крѣпостную зависимость, и даже болѣе тяжкую, потому что произволъ многихъ, гораздо хуже произвола одного лица. Это положеніе ведетъ само собою къ вредному постороннему вмѣшательству общества въ самую домашнюю жизнь человѣка и нисколько не обезпечиваетъ отдѣльнаго крестьянина отъ строгихъ имущественныхъ взысканій, связанныхъ съ началомъ личной отвѣтственности. Такимъ образомъ должно имѣть право "отбирать у недоимщиковъ полученныя имъ земли" и даже, "продавать ихъ самихъ въ рекруты." Между тѣмъ, это положеніе заставитъ каждаго члена общества задерживать платежи къ срокамъ, изъ опасенія подвергнуться неожиданнымъ расходамъ, по уплатѣ недоимокъ за другихъ членовъ. Разумѣется выгоднѣе переждать срокъ и заставить другихъ платить за себя, нежели самому

вносить за лицъ постороннихъ. По этому, признавая необходимость круговаго поручательства при общинномъ владѣніи, я полагаю, что отвѣтственность общества должна быть во всякомъ случаѣ послѣ личной, и тогда только можетъ быть полезною и соотвѣтствовать духу настоящаго преобразованія. Я считаю излишнимъ распространяться болѣе объ этомъ предметѣ, потому что начала такой отвѣтственности подробно развиты въ VI главѣ положенія Тверскаго комитета.

Въ докладѣ No. 14, хозяйственное отдѣленіе положило, что крестьянское общество уплачиваетъ слѣдующія съ него денежныя повинности *непосредственно* самому помѣщику. Я считаю это положеніе въ высшей степени вреднымъ и несправедливымъ. Вреднымъ потому, что непосредственная передача оброковъ помѣщику, можетъ поддерживать антагонизмъ сословій и породить безчисленное множество споровъ между помѣщиками и неграмотными крестьянами при полученіи квитанцій. Въ этомъ случаѣ, недобросовѣстные сборщики могутъ

всегда удерживать оброки, отзываясь тѣмъ, что помѣщикъ, получивъ ихъ безъ свидѣтелей, не выдалъ квитанціи. Несправедливымъ—потому, что правительство отчуждая отъ помѣщиковъ право свободнаго распоряженія собственностію въ видахъ государственной необходимости и уничтожая всякую юридическую власть помѣщиковъ надъ крестьянами, *обязано* быть посредникомъ между обоими сословіями *и не имѣетъ никакого законнаго права* обращать помѣщиковъ къ самимъ крестьянамъ за полученіемъ вознагражденія. Иначе оно откажется отъ своихъ прямыхъ обязанностей и выйдетъ изъ предѣловъ законности. Такой образъ дѣйствій представляетъ *насиліе*, не оправдываемое никакими государственными законами, и противорѣчитъ основнымъ началамъ государственнаго устройства.

Въ докладѣ No. 17 предположено дѣлать выводы среднихъ оброковъ посредствомъ мѣстныхъ учрежденій. Я считаю это положеніе совершенно безполезнымъ и ведущимъ только къ проволочкѣ дѣла. Я самъ раздѣлялъ это

мнѣніе въ началѣ занятій Тверскаго комитета, но потомъ на опытѣ убѣдился въ его неосновательности. Сдѣлавъ выводы оброковъ по нѣкоторымъ мѣстностямъ Тверской губерніи, я увидѣлъ, что эти выводы вовсе не соотвѣтствуютъ продажнымъ цѣнамъ имѣній. Это очевидно, потому что оброки налагались на крестьянъ, безъ всякаго соображенія о цѣнности владѣемой ими земли, а согласно съ требованіями владѣльцевъ и средствами крестьянъ въ данную минуту, не смотря на то, откуда эти средства пріобрѣтаются. По этому, количество оброка зависѣло совершенно отъ произвола помѣщиковъ и всякія выгоды изъ нихъ будутъ произвольны. Еще болѣе произвольно опредѣленіе правилъ для вывода среднихъ оброковъ. Объ этихъ правилахъ нечего и говорить. Притомъ, собираніе вѣрныхъ свѣденій о цифрахъ оброка чрезвычайно затруднительно и въ настоящее время даже опасно, потому что можетъ служить поводомъ къ безпорядкамъ. И за чѣмъ эти выводы оброковъ, когда можно удобнѣе и правильнѣе опредѣлить

высшій размѣръ повинностей по извѣстнымъ всѣмъ и каждому продажнымъ цѣнамъ имѣній въ разныхъ губерніяхъ, какъ это сдѣлалъ Тверской комитетъ и Редакціонная коммиссія? Въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть соблюдено математической точности. Ея не представятъ и выводы среднихъ оброковъ при всемъ ихъ совершенствѣ. Напротивъ, надобно полагать, что они будутъ гораздо далѣе отъ истины. Что же выдетъ изъ всего этого? Все дѣло будетъ предоставлено произволу мѣстныхъ учрежденій, которыя не принося никакой пользы, употребятъ на свое содержаніе, разъѣзды, подъемы огромныя суммы денегъ, далеко превышающія невыгоды опредѣленія повинностей удобнѣйшимъ способомъ, и въ добавокъ будутъ пользоваться совершенною безотвѣтственностію, потому что дѣйствія ихъ, по обширному пространству не могутъ быть никогда повѣрены. При всемъ томъ, правительство, рѣшаясь на подобную мѣру не можетъ предвидѣть даже приблизительно результатовъ и идетъ на неизвѣстное, не оставляя у себя никакихъ средствъ

исправить недоимки среднихъ выводовъ, потому что оно во всякомъ случаѣ не будетъ имѣть на это ни средствъ ни времени; и встрѣтитъ неудовольствіе и ропотъ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ.

По этому, я полагаю совершенно невозможнымъ опредѣленіе высшаго размѣра повинностей посредствомъ вывода среднихъ оброковъ, и даже ненужнымъ.

Относительно освобожденія дворовыхъ людей считаю нужнымъ только сказать, что обязательныя услуги дворовыхъ людей совершенно невозможны по обнародованіи положенія, и что правительство по моему мнѣнію, обязано оказать помѣщикамъ пособіе, размѣръ котораго подходилъ бы къ годовой наемной платѣ рабочаго. Иначе владѣльцы особенно мелкопомѣстные, у которыхъ рабочія силы заключались преимущественно въ дворовыхъ людяхъ, лишаясь услугъ этихъ людей, могутъ потерпѣть значительныя убытки въ домашнемъ хозяйствѣ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ придти къ совершенному раззоренію.

Изложивъ подробно мои соображенія по всѣмъ докладамъ хозяйственнаго отдѣленія, я не нахожу уже надобности отвѣчать на всѣ вопросы, предложенные предсѣдателемъ Редакціонныхъ коммиссій по этому отдѣленію, и ограничиваюсь только отвѣтами на тѣ изъ нихъ, которые не вошли въ составъ изложенныхъ мною соображеній и могутъ относиться до Тверской губерніи.

На 3*й вопросъ*. Наглядные и вѣрные признаки для отличія имѣній, въ которыхъ преобладаетъ лѣсное хозяйство указаны въ V главѣ положенія Тверскаго комитета ст. 51.

На 9*й вопросъ*. Передѣлы земель между крестьянами Тверской губерніи производятся повсемѣстно и распространяются на всѣ земли, но съ тѣмъ различіемъ, что передѣлы усадебныхъ земель производятся весьма рѣдко (большею частію въ случаѣ уничтоженія цѣлаго крестьянскаго хозяйства)—пахатныхъ земель, только въ случаяхъ болѣе или менѣе значительнаго увеличенія или уменьшенія рабочихъ силъ, а сѣнокосныхъ земель—ежегодно, передъ самою

уборкою сѣна и смотря по состоянію травы. Изъ этого видно, что опредѣленныхъ сроковъ для передѣловъ земли двухъ первыхъ разрядовъ быть не можетъ. Передѣлы производятся и въ общемъ составѣ земель, и въ видѣ передачи участковъ отъ однихъ хозяевъ къ другимъ, если это окажется возможнымъ. Разумѣется крестьяне всегда стараются избѣгать передѣловъ тѣхъ земель, которыхъ производительность зависитъ отъ тщательной обработки. Земля дѣлится большею частію по тягламъ; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ и то оброчныхъ существуетъ владѣніе по душамъ, но въ такихъ случаяхъ душа имѣетъ большею частію значеніе разчетной единицы, а не ревизской или наличной души. Владѣніе по дворамъ почти не встрѣчается.

На 12*й вопросъ.* Порядокъ отправленія барщины постоянными или временными работниками не имѣетъ никакого существующаго значенія и зависитъ чаще всего отъ временнаго распоряженія владѣльца.

На 13*й вопросъ.* Порядокъ отправленія смѣ-

шанныхъ повинностей, количественное отношеніе разныхъ повинностей въ имѣніи и употребленіе работниковъ имѣютъ тоже значеніе. За дополнительныя повинности крестьяне не получаютъ никакого вознагражденія, кромѣ освобожденія ихъ на нѣкоторое время отъ господскихъ работъ въ теченіи зимнихъ мѣсяцевъ. Размѣры этихъ льготъ зависятъ совершенно отъ произвола владѣльцевъ.

На 14*й вопросъ.* Круговая порука существуетъ въ весьма рѣдкихъ оброчныхъ имѣніяхъ.

На 15*й и* 16*й вопросы.* Я не признаю возможности сохранить барщину по приведеніи положенія въ исполненіе *ни для одного крестьянина.*

На 17*й вопросъ.* Признавая за правительствомъ обязанность гарантіи оброковъ и капитализаціи ихъ, я не считаю нужнымъ говорить о другомъ способѣ обезпеченія помѣщичьихъ оброковъ. Что же касается до крестьянскихъ обществъ, то они будутъ достаточно вознаграждены за тягость круговой отвѣтственности значительною разностью между доходомъ съ

облигацій и повинностями ихъ, т. е. процентомъ, который употребится на погашеніе ихъ долга и выкупа земли въ ихъ собственность. Эта же самая разность обеспечиваетъ и правительство въ гарантіи и выкупѣ оброковъ. Процентъ погашенія во всякомъ случаѣ будетъ превышать страховую премію помѣщичьихъ доходовъ и издержки по управленію, а потому этимъ процентомъ помѣщики совершенно разплачиваются за обезпеченіе оброковъ. Если же сверхъ того будетъ допущено пониженіе помѣщичьихъ оброковъ съ тою же цѣлію, то въ дѣйствительности, земли, отводимыя въ пользованіе крестьянамъ, будутъ выкуплены на собственныя деньги владѣльцевъ, т. е. взяты даромъ.

На 18*й вопросъ.* Полюбовныя соглашенія между помѣщиками и крестьянскими обществами относительно денежной повинности должны быть допущены безъ всякихъ ограниченій. Что же касается до натуральныхъ повинностей, то заключеніе условій объ отправленіи ихъ по окончаніи періода, назначеннаго для

приведенія положенія въ исполненіе, можетъ быть допускаемо только съ отдѣльными крестьянами; помѣщеніе же ихъ въ уставную грамоту цѣлаго общества не можетъ быть дозволено, потому что изъ этого можетъ возникнуть новый видъ крѣпостной зависимости отъ общества и обязательный трудъ въ пользу міра.

III.

ПО ДОКЛАДАМЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

Такъ какъ всѣ заключенія юридическаго отдѣленія Редакціонныхъ коммиссій обусловливаются положеніями другихъ отдѣленій и началами, принятыми въ основаніе выкупной операціи, то я не нахожу нужнымъ говорить о трудахъ этого отдѣленія, ибо все, что мною было сказано противъ положеній административнаго, хозяйственнаго и финансоваго отдѣленій, можетъ относиться и къ юридическому. По этому я ограничиваюсь одними отвѣтами на вопросы, предположенные по юридическому отдѣленію.

Отвѣты.

1) Къ водворенію на помѣщичьихъ земляхъ по добровольнымъ условіямъ, должны быть допускаемы лица всѣхъ сословій, ибо нѣтъ никакого основанія ограничить въ этомъ отношеніи свободу частныхъ сдѣлокъ.

2) Водвореніе не можетъ быть допускаемо иначе, какъ съ совершеніемъ письменныхъ условій.

3) Не зная будущаго устройства и состава мѣстнаго управленія, невозможно опредѣлить порядокъ совершенія этихъ договоровъ.

4) Для предупрежденія какихъ либо ограниченій въ личныхъ правахъ или стѣсненія свободы труда въ договорахъ о водвореніи, достаточно постановить, чтобы въ этихъ договорахъ не было помѣщаемо условій, противныхъ законамъ, и обязательствъ на отправленіе натуральныхъ повинностей далѣе того срока, который будетъ установленъ для договоровъ о личномъ наймѣ.

5) Договоры о водвореніи требуютъ полной

свободы относительно назначенія срока, потому что обороты въ сельскомъ хозяйствѣ совершаются весьма медленно. По моему мнѣнію заключеніе этихъ договоровъ должно быть допущено на сто лѣтъ.

6) Обезпеченіе владѣльцевъ въ исправномъ поступленіи договорныхъ повинностей, можетъ заключаться только въ правильномъ устройствѣ управленія, т. е. въ строгомъ раздѣленіи властей, главномъ дѣлопроизводствѣ и отвѣтственности всѣхъ должностныхъ лицъ передъ независимою судебною властію, т. е. судомъ присяжныхъ. Всякія же другія мѣры охраненія ихъ правъ не могутъ имѣть никакого значенія.

7) Заключеніе договоровъ на водвореніе съ цѣлыми обществами не можетъ быть допущено, потому что подобные договоры могутъ заключаться обществами по большинству голосовъ, безъ согласія нѣкоторыхъ членовъ и въ такихъ случаяхъ возникнутъ личныя обязательства безъ участія свободной воли договаривающихся, т. е. явятся новые виды крѣпостнаго права и обязательнаго труда.

8) Разбирательство споровъ между помѣщиками и фермерами должно производиться порядкомъ, который будетъ установленъ для разбирательства всѣхъ споровъ вообще. Конечно, я полагаю, что и гражданское судопроизводство при новомъ порядкѣ вещей будетъ гласное и публичное. Случаи, въ которыхъ допускается участіе свѣдущихъ людей, опредѣлены законами.

9) Лица водворенныя на владѣльческихъ земляхъ, должны быть подвѣдомы общимъ административнымъ, полицейскимъ и судебнымъ властямъ того округа, къ которому принадлежитъ мѣсто ихъ водворенія.

10) Такъ какъ фермерства у насъ никогда не было, то установленіе обязательныхъ правилъ для предупрежденія и разрѣшенія споровъ, которые чаще всего возникаютъ между владѣльцами и фермерами, рѣшительно невозможно. Я полагаю, что установленіе такихъ условій должно быть предоставляемо собственному благоразумію договаривающихся. Такимъ образомъ, обязательныя правила по этому предмету,

если они будутъ нужны, опредѣлятся самою жизнію. Довольно сказать на первый разъ, что эти договоры совершаются, исполняются и прекращаются на основаніи общихъ законовъ о договорахъ, за исключеніемъ правилъ о срокахъ, и что въ платежѣ казенныхъ податей и повинностей во всякомъ случаѣ отвѣтствуетъ владѣлецъ земли. Это послѣднее нужно потому, что въ противномъ случаѣ потеряется вовсе вѣрное обезпеченіе податей, ибо фермеръ можетъ не имѣть никакой личной собственности.

IV.

ЗАПИСКА О ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СООБРАЖЕНІЯХЪ ОСОБОЙ ФИНАНСОВОЙ КОММИССІИ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДѢЛУ ОТНОСИТЕЛЬНО ВЫКУПА ПОЗЕМЕЛЬНЫХЪ УГОДІЙ КРЕСТЬЯНАМИ, ВЫХОДЯЩИМИ ИЗЪ КРѢПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ.

Разсмотрѣвъ соображенія особой финансовой коммиссіи по крестьянскому дѣлу, предъявленныя депутатамъ губернскихъ комитетовъ въ засѣданіи общаго присутствія Редакціонныхъ коммиссій 25 Августа сего года, я нахожу, что излагая необходимость и пользу выкупа крестьянами поземельныхъ угодій, коммиссія не обратила вниманія на одно важное обстоятельство. Коммиссія смотрѣла на выкупъ, какъ на лучшее средство прекратить въ скоромъ вре-

мени обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, т. е. собственно въ интересѣ двухъ сословій. Я считаю такой взглядъ весьма одностороннимъ и смотрю на дѣло выкупа совершенно иначе. Кромѣ того, я вижу въ выкупѣ единственное средство поддержать хозяйственный бытъ помѣщичьихъ имѣній, и не въ одномъ интересѣ владѣльцевъ, но въ интересѣ цѣлаго государства. Одни помѣщичьи хозяйства обезпечиваютъ у насъ средства народнаго продовольствія и поддерживаютъ нашу внѣшнюю и внутреннюю торговлю. При такомъ взглядѣ на предметъ, необходимо должно придти къ заключенію, что выкупъ долженъ быть не постепенный, а одновременный съ прекращеніемъ крѣпостнаго права, и основанный не на добровольныхъ соглашеніяхъ, а на законѣ отчужденія частной собственности въ видахъ государственной необходимости.

Изъ докладовъ хозяйственнаго отдѣленія мы видимъ, что съ прекращеніемъ крѣпостной зависимости, натуральная повинность дѣлается совершенно невозможною и что помѣщики

будутъ лишены всякой возможности поддерживать свои хозяйства обязательнымъ трудомъ. Вполнѣ сознавая эту истину, Тверской комитетъ не нашелъ никакой возможности сохранить натуральныя повинности. Между тѣмъ, надобно принять во вниманіе, что при настоящемъ порядкѣ вещей натуральныя повинности крестьянъ составляютъ единственный оборотный капиталъ помѣщичьихъ хозяйствъ, употребленіе котораго дѣлается совершенно невозможнымъ съ освобожденіемъ крестьянъ. Безъ оборотнаго же капитала не можетъ существовать никакая промышленность. Такимъ образомъ, если не замѣнить нынѣшній оборотный капиталъ помѣщиковъ, состоящій въ натуральной повинности крестьянъ, другимъ капиталомъ, то помѣщичьи хозяйства должны въ большей части случаевъ совершенно разстроиться, а съ тѣмъ вмѣстѣ должно разстроиться и все государственное хозяйство. Правительство не рѣшаясь на энергическія мѣры при такой радикальной реформѣ, какъ уничтоженіе крѣпостнаго права, можетъ подвергнуть всю страну страшнымъ

бѣдствіямъ. Многіе говорятъ, что помѣщики вмѣсто доходовъ, нынѣ получаемыхъ отъ продажи земледѣльческихъ произведеній, будутъ получать доходы въ видѣ оброковъ крестьянъ и потому ничего не потеряютъ; что же касается до поддержанія ихъ хозяйствъ, то это уже "*роскошь.*" Но подобное возраженіе могутъ дѣлать люди, непонимающіе ни характера народнаго хозяйства, ни той солидарности, которая существуетъ между всѣми отраслями промышленности. Вся наша торговля, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя, основана на сбытѣ хлѣба, а въ торговлѣ обращается хлѣбъ почти исключительно помѣщичій; что же будетъ, если помѣщичьи хозяйства уничтожатся? Разумѣется, это поведетъ къ совершенному упадку хлѣбной торговли, а вмѣстѣ съ нею должна рушится и вся русская торговля вообще. Въ такомъ случаѣ, гдѣ же наши крестьяне найдутъ средства заработать нужныя имъ деньги для уплаты повинностей? При такомъ всеобщемъ разстройствѣ частныхъ хозяйствъ, средства государства, и теперь находящіяся не

въ завидномъ состояніи, должны придти въ совершенное разстройство. Вотъ слѣдствія постепеннаго выкупа.

Обращаюсь теперь къ возраженіямъ противъ немедленнаго, обязательнаго выкупа, приводимымъ особою финансовою коммиссіею. Вотъ что она говоритъ : "*Выкупъ и продажа земли обязательные, и несправедливы и неполезны. Несправедливы они и для помѣщика и для крестьянина; для помѣщика потому, что онъ былъ бы обязанъ продать свою землю по нормальной оцѣнкѣ, опредѣленной правительственными учрежденіями.*" (стр. 13). Я полагаю, что сущность права собственности заключается преимущественно въ правѣ распоряженія и пользованія предметомъ собственности. Между тѣмъ, разсматривая труды хозяйственнаго отдѣленія Редакціонныхъ коммиссій, мы видѣли, что помѣщикъ совершенно лишается этихъ правъ. и что за нимъ остается лишь право получать доходъ за земли, поступившія въ надѣлъ крестьянамъ, по нормальной оцѣнкѣ опредѣленной *помимо его согласія*, правитель-

ственными учрежденіями, *на безсрочное время, и притомъ доходъ не обезпеченный ничѣмъ*, кромѣ нѣкоторыхъ мѣръ взысканія, которыя при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могутъ оказаться недѣйствительными.

По этому вышеприведенное возраженіе финансовой коммиссіи, скорѣе можно сдѣлать противъ положеній хозяйственнаго отдѣленія объ обязательномъ надѣлѣ въ пользованіе, чѣмъ противъ выкупа, обязательнаго для помѣщика. Нарушеніе права собственности есть какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, но въ послѣднемъ оно гораздо менѣе, ибо все дѣло состоитъ въ замѣнѣ одного предмета собственности другимъ; что же касается до самого права собственности, то оно остается въ прежней силѣ, тогда какъ въ первомъ случаѣ (т. е. при надѣлѣ земли въ пользованіе крестьянъ) у владѣльца не остается и призрака этого права. Имущество помѣщика, при обязательномъ надѣлѣ крестьянъ землею, состоитъ уже не въ самой землѣ, отданной крестьянамъ на безсрочное время за извѣстный неизмѣняемый оброкъ,

а въ денежной безсрочной рентѣ; право же на выкупъ такой ренты признается за правительствомъ во всѣхъ государствахъ. По этому, казалось бы, что съ этой точки зрѣнія финансовая коммиссія, чтобъ быть послѣдовательною, должна отвергать одинаково и мысль объ обязательномъ выкупѣ крестьянскихъ угодій, и мысль объ обязательномъ надѣлѣ ихъ въ пользованіе. Такое возраженіе противъ обязательнаго выкупа явно защищаетъ мысль о предоставленіи крестьянамъ одной личной свободы безъ всякаго права на землю, ибо частныя права на землю только и могутъ быть сохранены въ этомъ случаѣ. Что касается до возраженія противъ обязательнаго выкупа для крестьянъ, то я раздѣляю въ этомъ случаѣ воззрѣніе коммиссіи, ибо не вижу никакихъ средствъ для точной оцѣнки земель, отводимыхъ крестьянамъ.

Далѣе говорится: "*обязательные выкупы и продажа земли нисколько не были бы дѣйствительны для предотвращенія срочно-обязаннаго періода, такъ какъ для оцѣнки всѣхъ*

имѣній въ Россіи посредствомъ какихъ бы то ни было коммиссій, потребовалось бы конечно, нѣсколько лѣтъ; слѣдственно, срочно обязанный періодъ сдѣлался бы все-таки неизбѣжнымъ." На это я нахожу нужнымъ сказать, что главная цѣль выкупа не состоитъ въ сокращеніи срочно-обязаннаго періода, но въ томъ, чтобы сдѣлать крестьянъ собственниками земель и поддержать помѣщичьи хозяйства въ видахъ общей государственной необходимости, а эти цѣли могутъ быть достигнуты и при нормальныхъ оцѣнкахъ. Между тѣмъ выкупъ, основанный на добровольныхъ соглашеніяхъ, даетъ только поводъ къ проволочкѣ этого дѣла, ибо съ одной стороны, крестьяне не имѣя въ виду нормальныхъ цѣнъ, будутъ стараться всячески заставить владѣльцевъ уступить дешевле; съ другой стороны владѣлецъ, не понимающій своихъ собственныхъ выгодъ, можетъ объявлять такія требованія, которыя невозможны или для крестьянъ, или для правительства. Въ особенности это можетъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ вздумаетъ

промять дѣло и тѣмъ лишить крестьянъ права на выкупъ. Для совершенія выкупа нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ учрежденію коммиссій для оцѣнки всѣхъ имѣній въ Россіи. Стоитъ лишь ограничиться самымъ необходимымъ для крестьянина количествомъ земли, и такъ какъ нормальныя оцѣнки неизмѣнныхъ повинностей уже сдѣланы Редакціонною коммиссіею, то капитализація этихъ повинностей и должна быть принята за высшій размѣръ выкупной цѣны. Если крестьяне согласны принять эту выкупную сумму, то правительству нѣтъ никакой надобности дѣлать повѣрку дѣйствительной стоимости имѣнія. Такимъ образомъ за эту цѣну крестьяне будутъ имѣть право на выкупъ земли безъ согласія владѣльца. Но это нисколько не исключаетъ добровольныхъ соглашеній тамъ, гдѣ земля не будетъ представлять этой стоимости. Тамъ цѣна понизится вслѣдствіе тѣхъ уступокъ, къ которымъ помѣщикъ будетъ принужденъ выгодою скорѣйшаго полученія капитала. Справедливость этой оцѣнки для крестьянъ тѣмъ болѣе

очевидна, что Редакціонная коммиссія положила не возвышать существующихъ повинностей въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьянскіе оброки были ниже нормальной платы, установляемой положеніемъ. Сверхъ того, помѣщикъ во всякомъ случаѣ долженъ имѣть право на капитализацію положеннаго оброка и безъ согласія крестьянъ; но осуществленіе этого права должно быть отсрочено на нѣкоторое время, чтобы оно не могло помѣшать добровольнымъ сдѣлкамъ. Безъ этого права капитализаціи, многіе помѣщики могутъ потерять вовсе свои имѣнія. По этому справедливость требуетъ, что бы выкупъ былъ *обязателенъ для правительства*. При такомъ выкупѣ крестьяне не должны ничего терять, потому что при пособіи государственнаго кредита, ихъ повинности не превышающія цѣнности земель, не только не увеличатся, но даже уменьшатся, ибо изъ безсрочныхъ они сдѣлаются срочными, а за тѣмъ они совершенно уничтожатся. Если же въ какомъ либо случаѣ стоимость земли окажется ниже капитализаціи оброковъ, и крестьяне не

пожелаютъ принять на себя обязательства не по силамъ, то въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ правительство обязано придти на помощь и принять часть платежей на все государство, *но помѣщикъ долженъ во всякомъ случаѣ сохранить свое право на капитализацію оброка.* Эта помощь необходима съ точки зрѣнія ; какъ гражданскаго, такъ и государственнаго права. Иначе, дѣло освобожденія крестьянъ не будетъ имѣть и вида государственной реформы, и перейдетъ въ незаконную споліацію частной собственности. Помѣщики, получивъ капитализацію оброковъ, безъ оцѣнки земли, не получаютъ ничего лишняго, потому что эти оброки во всякомъ случаѣ не могутъ быть выше настоящихъ доходовъ, и потому что цѣнность помѣщичьихъ имѣній заключалась не въ одной землѣ, но и въ самомъ населеніи. Правительство, какъ видно изъ трудовъ финансовой коммиссіи, опредѣляетъ уже нѣкоторыя средства государственнаго казначейства въ пособіе выкупной операціи, а потому средства эти могутъ быть по всей справедливости

употреблены именно въ этихъ случаяхъ, я считаю необходимымъ высказать здѣсь слѣдующую мысль. Если правительство рѣшится принять капитализацію оброковъ за нормальную оцѣнку для выкупа, то нѣтъ никакой надобности къ поспѣшному кадастру земель, который можетъ быть произведенъ съ достаточною точностію въ продолженіи слѣдующихъ десяти и даже двадцати лѣтъ. Для того, чтобы оказать справедливое пособіе крестьянамъ въ вышеприведенныхъ случаяхъ, можно обойтись безъ предварительнаго кадастра. На первый разъ крестьяне ничего не потеряютъ, если они будутъ платить тоже, что и при пользованіи землею въ продолженіи срочно-обязаннаго періода. По этому можно приступить къ выкупу безъ согласія крестьянъ, возложивъ на нихъ тѣже платежи, какіе слѣдуютъ и при оброчномъ пользованіи; но по произведеніи кадастра, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ оцѣнка по капитализаціи повинностей окажется выше цѣнности земли, опредѣленной кадастромъ, правительство по справедливости должно ока-

зать крестьянамъ пособіе, принявъ часть капитальной суммы ихъ долга на счетъ общихъ государственныхъ доходовъ. Правительство можетъ оказать это пособіе уменьшеніемъ годовыхъ платежей крестьянъ, или сокращеніемъ сроковъ. Такимъ образомъ правительство не задерживая выкупа, составляющаго насущную и безъотлагательную потребность, и не стѣсняясь наличными средствами для пособія крестьянамъ, могло бы приступить къ немедленному и полному освобожденію ихъ, безъ нарушенія интересовъ той или другой стороны. Въ средствахъ къ этому пособію недостатка быть не можетъ. Одно увеличеніе государственныхъ доходовъ, которое необходимо должно произойти вслѣдствіе освобожденія 12 милліоновъ жителей, покроетъ всѣ расходы по этому предмету, тѣмъ болѣе, что это пожертвованіе со стороны государства потребуется не сей часъ, а черезъ пятнадцать или двадцать лѣтъ.

Но обратимся къ соображеніямъ финансовой коммиссіи. Далѣе говорится о нравственномъ насиліи обязательнаго выкупа, о вредѣ его

вслѣдствіе лишенія заинтересованныхъ сторонъ способовъ устроиться инымъ образомъ, объ уничтоженіи въ самомъ корнѣ довѣрія къ кредитной операціи вслѣдствіе выкупа огромнаго количества кредитныхъ бумагъ и т. д..

Разсмотримъ по порядку всѣ эти опасенія.

1) Если во всемъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ есть какое нибудь насиліе, то оно какъ мы видѣли, заключается въ обязательномъ надѣлѣ земли и въ обязательномъ для помѣщиковъ полученіи повинностей, опредѣленныхъ безъ ихъ согласія, т. е. въ совершенномъ отчужденіи отъ владѣльцевъ права распоряженія и пользованія ихъ собственностію. Но въ необходимости подобнаго насилія, убѣждена сама финансовая коммиссія, и конечно не я буду оспоривать обезпеченіе крестьянъ землею. Въ обязательномъ же выкупѣ нѣтъ и тѣни этого насилія. Здѣсь просто замѣна одного денежнаго дохода, ничѣмъ не обезпеченнаго другимъ доходомъ, гарантированнымъ правительствомъ, и притомъ съ возвращеніемъ собственнику права распоряженія своей собственностію въ видѣ подвиж-

наго капитала. Мнѣ возразятъ, что если это такъ выгодно для помѣщиковъ, то нѣтъ сомнѣнія, что добровольный выкупъ будетъ имѣть тѣже самыя послѣдствія, какъ и обязательный. Что касается до меня, то я не раздѣляю подобнаго убѣжденія и считаю, что выкупъ тогда только можетъ осуществиться и достигнетъ высказанной мною цѣли, когда онъ будетъ для крестьянъ правомъ, а для помѣщиковъ и правительства обязательнымъ, по требованію одной изъ заинтересованныхъ сторонъ. Это убѣжденіе я основываю, во-первыхъ, на несовершенствѣ человѣческой природы; во вторыхъ, на недостаточности экономическихъ свѣденій въ нашемъ обществѣ; въ-третьихъ, на невѣжествѣ нашихъ крестьянъ, въ которыхъ распространено убѣжденіе, что земля есть ихъ собственность и что они, хотя со временемъ, но получатъ ее даромъ; и въ четвертыхъ, на общемъ недовѣріи къ правительству въ денежныхъ дѣлахъ. Какъ ни грустно это послѣднее обстоятельство, но я не смѣю утаить отъ правительства, что это недо-

вѣріе къ нему существуетъ, и съ каждымъ днемъ усиливается, въ особенности же вслѣдствіе послѣднихъ неудавшихся финансовыхъ мѣръ и тѣхъ затрудненій, которыя происходили при выдачѣ вкладовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Перемѣны въ общественномъ мнѣніи идутъ такъ быстро, что можно навѣрное сказать, что подписка на новыя облигаціи пятипроцентнаго займа имѣла бы огромный успѣхъ, еслибъ она была объявлена въ концѣ прошедшаго или въ началѣ нынѣшняго года, но теперь даже трудно предвидѣть, чѣмъ кончится это дѣло.

Вотъ причины, по которымъ я полагаю, что трудно будетъ достигнуть добровольныхъ соглашеній, и мысль о добровольномъ выкупѣ остается только на словахъ, но не на дѣлѣ.

Правительство сознаетъ всю необходимость выкупа; оно видитъ въ немъ единственное средство разрѣшить вопросъ правильно и безобидно для обѣихъ сторонъ. Редакціонная коммиссія, усвоивъ эти виды правителъства, направляла всѣ свои труды такъ, чтобы помѣ-

щикъ необходимо долженъ былъ согласиться на выкупъ, а между тѣмъ этотъ выкупъ называется *добровольнымъ*. Я спрашиваю: будетъ ли подобный образъ дѣйствій достоинъ сильнаго правительства, и не убьетъ ли онъ послѣднее довѣріе къ выкупной операціи? Для чего нуженъ такой образъ дѣйствій? Развѣ для того, чтобы пройти незамѣтнымъ образомъ по среднему пути между защитниками крѣпостнаго права и людьми, желающими полнаго его уничтоженія? Но такой путь въ важныхъ государственныхъ реформахъ никогда и никому не удавался. Онъ во всякомъ случаѣ вооружитъ защитниковъ крѣпостнаго права и не удовлетворитъ лицъ, желающихъ полнаго освобожденія крестьянъ. Онъ заставитъ эти лица смотрѣть съ недовѣріемъ на всѣ предпринимаемыя мѣры и потому, если правительство рѣшится принять такой образъ дѣйствій, то оно не встрѣтитъ въ себѣ сочувствія ни въ той, ни въ другой сторонѣ.

2) При обязательномъ выкупѣ по требованію одной стороны, помѣщики и крестьяне

нисколько не лишаются возможности устроиться инымъ образомъ. Развѣ при этомъ не можетъ быть допущено правило, что всѣ добровольныя соглашенія остаются въ своей силѣ, не смотря на положеніе? Тверской комитетъ ввелъ это правило въ свое положеніе и предоставилъ обѣимъ сторонамъ полную свободу въ устройствѣ поземельныхъ отношеній.

3) Опасеніе, что одновременный выпускъ кредитныхъ бумагъ подвергнетъ ихъ курсъ значительнымъ колебаніямъ также неосновательно. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ только взглянуть на цифры. Самая высшая цифра, до которой можетъ дойти вся выкупная операція, это 1,200 милліоновъ, а если принять въ соображеніе, что при опредѣленіи повинностей существующіе оброки не возвышаются, то операція навѣрное ограничится однимъ милліардомъ.

Слѣдуетъ вспомнить, что на половину этой суммы помѣщичьи имѣнія мобилизированы залогомъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ и что часть всей выкупной суммы (примѣрно 10%)

должна быть выдана владѣльцамъ наличными деньгами. Какъ возможно реализировать этотъ наличный капиталъ, это другой вопросъ, на который я буду отвѣчать ниже. Затѣмъ нѣкоторая часть выкупной суммы можетъ быть покрыта наличными средствами крестьянъ, если предоставить имъ въ этомъ случаѣ какія либо льготы. Конечно, эту часть нельзя предположить цифрою, но во всякомъ случаѣ ее должно имѣть въ виду. И такъ выпускъ новыхъ кредитныхъ бумагъ потребуется не болѣе какъ на 400 милліоновъ. Такая ли это цифра, которой можетъ испугаться наше правительство, при тѣхъ средствахъ, которыя имѣетъ Россія? Если наши финансовыя дѣла находятся въ затруднительномъ положеніи въ настоящее время, то на это есть много причинъ, какъ то: недостатокъ гласности въ управленіи, отсутствіе печатнаго обсужденія различныхъ финансовыхъ мѣръ прежде ихъ исполненія и, наконецъ, казнокрадство, которое играетъ важную роль въ бюджетѣ нашихъ государственныхъ расходовъ. Если мы сравнимъ коли-

чество доходовъ и долговъ Россіи съ нѣкоторыми даже богатѣйшими Европейскими государствами, то можно смѣло сказать, что выгода останется на сторонѣ Россіи. Россія имѣетъ дохода до 280 милліоновъ и уплачиваетъ процентовъ по долгамъ не болѣе 50 милліоновъ. Таково ли отношеніе Англійскаго государственнаго долга къ бюджету государственныхъ доходовъ? При раціональномъ распоряженіи государственными средствами можно ли бояться правительству принять на себя гарантію долга отъ 300 до 400 милліоновъ рублей, для уплаты котораго средства находятся на лицо въ особыхъ источникахъ дохода, а именно: въ оброкахъ освобождаемыхъ крестьянъ. Притомъ, одно немедленное уничтоженіе крѣпостнаго права представляетъ возможность значительнаго возвышенія государственныхъ доходовъ по всѣмъ источникамъ. Какъ же бояться такой операціи, имѣя въ виду эти обстоятельства и притомъ еще предполеженія, что вырученные чрезъ продажу государственныхъ имуществъ капиталы должны идти на

поддержаніе этой операціи, (а государственныхъ имуществъ въ Россіи имѣется по крайней мѣрѣ на 3,000 милліоновъ). Наконецъ, введите, хотя для пробы гласное управленіе нашими финансами, и вы увидите, какъ поднимутся наши государственныя кредитныя бумаги, вслѣдствіе заграничнаго ихъ требованія. И въ этихъ то обстоятельствахъ насъ пугаютъ упадкомъ курса облигацій, если правительство выпуститъ ихъ на предметъ выкупа крестьянъ, т. е. на самое производительное дѣло, какое только бывало въ мірѣ. Если правительство приметъ при выкупѣ капитализацію оброковъ изъ 6%, тогда по облигаціямъ оно можетъ назначить до 5%. Пусть же оно откроетъ подписку съ этою цѣлію на эти облигаціи, даже и на заграничныхъ рынкахъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ обяжется дать операціямъ своимъ полную гласность и не употреблять этихъ суммъ иначе, какъ на выкупъ крестьянскихъ земель? Тогда нельзя ручаться, останется ли много этихъ облигацій въ Россіи.

Обращаясь снова къ тѣмъ кореннымъ нача-

ламъ, которыя предположила себѣ финансовая коммиссія при начертаніи правилъ о выкупѣ, а именно:

"*Предложить помѣщикамъ вѣрное обезпеченіе въ полученіи выкупной суммы*" (стр. 15). Обезпеченіе помѣщичьихъ интересовъ очевидно можетъ состоять только а) въ гарантіи кредитныхъ бумагъ правительствомъ, б) въ гласномъ управленіи, не только операціей выкупа, но и всѣми государственными средствами (ибо для того, чтобъ судить о вѣрности обезпеченія, надо сравнить количество обязательствъ съ средствами уплаты) и в) въ отвѣтственности лицъ, управляющихъ этими средствами. Но не имѣя въ виду въ послѣдующихъ трудахъ финансовой коммиссіи развитія этого начала, я не могу сказать ничего болѣе по этому предмету.

"*Оставаясь въ предѣлахъ добровольныхъ соглашеній, соразмѣрить участіе правительства въ выкупной операціи съ его средствами и съ требованіями государственнаго кредита*" (стр. 16). Это правило, по мнѣнію моему,

противорѣчитъ совершенно понятію о государствѣ и правительствѣ. Въ немъ проглядываетъ взглядъ крѣпостнаго права на управленіе вотчинами. Правительство состоитъ не внѣ государства, а въ немъ самомъ, и всѣ средства свои почерпаетъ въ самомъ государствѣ т. е. въ средствахъ народа. Средства правительства и государства (или народа) имѣютъ одинъ общій источникъ, а именно *народный доходъ*, или, другими словами, доходы всѣхъ частныхъ лицъ, составляющихъ государство. Такимъ образомъ правительство получаетъ всѣ свои средства изъ рукъ частныхъ лицъ, составляющихъ народъ и по мимо этого *не имѣетъ и не можетъ имѣть* никакихъ другихъ средствъ. Поэтому, средства правительства всегда должны соразмѣряться съ народными или государственными нуждами, а не на оборотъ. Въ этомъ то и состоитъ отличіе государственнаго хозяйства отъ частнаго, гдѣ напротивъ нужды соразмѣряются съ средствами. Если въ государствѣ возникаютъ какія либо народныя

необходимыя потребности, то правительство, убѣдившись въ настоятельности ихъ, должно сообразить съ ними свои средства и, если не находитъ возможности удовлетворить эти потребности обыкновенными источниками доходовъ, то должно создать новые. Народъ всегда обязанъ сдѣлать эти пожертвованія, потому что они идутъ на удовлетвореніе его-же необходимыхъ потребностей. Съ другой стороны, правительство имѣетъ полное право обращаться къ чрезвычайнымъ средствамъ, когда возникаютъ безъотлагательныя и чрезвычайныя потребности. Какимъ образомъ создать эти новые источники доходовъ безъ отягощенія народа, это задача государственныхъ людей, которую они *обязаны рѣшить, или отказаться отъ дѣятельности.* Но во всякомъ случаѣ, если правительство сознало какую либо безъотлагательную народную потребность, то оно обязано удовлетворить ее и недостатокъ средствъ не можетъ быть оправданіемъ, потому что эти средства въ рукахъ народа, который чув-

ствуетъ потребность и всегда скорѣе пожертвуетъ средствами, чѣмъ откажется отъ удовлетворенія насущной потребности.

Примѣняя эти правила къ началу, принятому финансовой коммиссіей, я нахожу послѣднее совершенно неправильнымъ. Если выкупъ крестьянскихъ земель представляетъ единственное средство къ спокойному и безобидному разрѣшенію вопроса, если правительство признало, что онъ составляетъ насущную государственную потребность, то средства правительства должны быть соразмѣрны съ этой потребностью и въ случаѣ недостатка наличныхъ средствъ, должны быть созданы новые источники государственныхъ доходовъ. Въ этомъ случаѣ, всякая экономія или неумѣнье найти новые источники дохода, ляжетъ тяжкой отвѣтственностію на совѣсть правительства и врядъ ли потомство проститъ ему и эту экономію и это неумѣнье.

Далѣе, что значатъ "*требованія государственнаго кредита*" и почему съ ними нужно соразмѣрить участіе правительства въ выкупной операціи? Неужели и государственный

кредитъ существуетъ отдѣльно и отъ народа и отъ правительства? По моему мнѣнію, государственный кредитъ объусловливается потребностями народа и развивается соразмѣрно развитію народныхъ потребностей. Слѣдовательно, это условіе положенное финансовой коммиссіею въ основаніе правилъ о выкупѣ, чтобы быть согласнымъ съ истиннымъ понятіемъ о государствѣ и государственномъ кредитѣ, должно быть выражено совершенно на оборотъ, а именно: *слѣдуетъ опредѣлить дѣйствительную необходимость выкупной операціи для народа, и съ этой необходимостью соразмѣрить участіе правительства, какъ наличными средствами, такъ и государственнымъ кредитомъ.* Вотъ все, что я нахожу нужнымъ сказать противъ общихъ соображеній финансовой коммиссіи. Теперь, перейдемъ къ развитію нѣкоторыхъ вопросовъ, которые предложила себѣ коммиссія.

1) "*Порядокъ добровольныхъ соглашеній помѣщиковъ съ крестьянами по выкупу.*" (стр. 16)

Признаюсь, для меня трудно представить себѣ, какой можетъ быть установленъ порядокъ для добровольныхъ соглашеній, которыя по самому ихъ понятію должны быть дѣломъ свободной воли договаривающихся лицъ. Добровольныя соглашенія, по сущности своей, не допускаютъ никакихъ правилъ, тогда какъ слово "*порядокъ*" предполагаетъ именно эти правила. Слѣдовательно, эти два понятія взаимно исключаютъ одно другое, и какъ то странно видѣть ихъ вмѣстѣ. Сверхъ того, финансовая коммиссія предполагаетъ, что заявленіе согласія на выкупъ возможно прежде опредѣленія его условій. Я полагаю, напротивъ, что соглосіе на выкупъ возможно только тогда, когда извѣстны его условія. Всякое имущество можетъ подлежать куплѣ и продажѣ, но эта возможность основывается лишь на цѣнѣ, которую покупатель можетъ предложить, а продавецъ взять. Поэтому добровольныя соглашенія при куплѣ и продажѣ, имѣютъ единственнымъ предметомъ цѣну продаваемаго и покупаемаго. При неизвѣстности этой цѣны, ни

какая продажа, а слѣдственно и согласіе на выкупъ, невозможно. Чтобъ создать такой порядокъ вещей, въ которомъ подобное явленіе было бы возможно, надобно поставить продавцевъ въ такое положеніе, при которомъ они не могли бы извлечь никакой пользы изъ продаваемыхъ ими имуществъ. Въ такомъ только положеніи онѣ могутъ изъявить свое согласіе на продажу и за тѣмъ предоставить опредѣленіе условій постороннимъ лицамъ, т. е. третейскому суду, но въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ же мѣсто для добровольныхъ соглашеній? А если оно существуетъ, то гдѣ же мѣсто для третейскаго суда?

Въ дальнѣйшихъ соображеніяхъ коммиссіи по этому вопросу оказывается, что если ежегодные платежи крестьянъ по выкупу не будутъ выше установленнаго для нихъ оброка, то для выкупа не предстоитъ надобности въ согласіи крестьянъ, и достаточно одного согласія помѣщика (стр. 17 и 18). Я спрашиваю опять: гдѣ же тутъ добровольныя соглашенія? Сначала помѣщикъ обставляется такъ, что онъ

необходимо долженъ дать свое согласіе на выкупъ во чтобы то ни стало; потомъ отвергается всякая необходимость согласія на этотъ выкупъ со стороны крестьянъ. Стало быть— это выкупъ обязательный для обѣихъ сторонъ. Я не спорю противъ обязательности выкупа для крестьянъ, даже и по нормальной оцѣнкѣ, если только правительство впослѣдствіи возьметъ на счетъ государства часть крестьянскаго долга, превышающую цѣнность уступаемыхъ имъ земель, какъ я говорилъ выше. Это будетъ совершенно законно и справедливо. Но за чѣмъ же въ такомъ случаѣ называть выкупъ добровольнымъ? Вѣдь это породитъ только недоразумѣнія и недовѣріе къ дѣйствіямъ правительства.

2) *Что касается до размѣра выкупной суммы, то коммиссія приходитъ къ заключенію, что "высшій размѣръ выкупной суммы слѣдуетъ опредѣлить уже не оцѣнкою имѣній, а капитализаціею денежныхъ повинностей"* (какъ и предложилъ Тверской комитетъ). Но такое заключеніе находится въ явномъ

противорѣчіи съ доводами коммиссіи противъ выкупа обязательнаго для помѣщиковъ. Тамъ коммиссія считала необходимыми повсемѣстныя оцѣнки, (которыя въ сущности невозможны и только могутъ оттянуть дѣло на десятки лѣтъ).

Что касается до количества выкупаемыхъ земель, то здѣсь слѣдуетъ допустить добровольныя соглашенія въ неограниченныхъ размѣрахъ; а такъ какъ повинности опредѣляются соразмѣрно надѣлу земли въ постепенной градаціи, то по тѣмъ же правиламъ должна быть выведена и сумма выкупа.

Можно согласится, что правительству необходимо удостовѣряться въ полномъ согласіи крестьянъ на уменьшеніе надѣловъ; что же касается до другихъ условій, въ которыхъ коммиссія считаетъ необходимыми также удостовѣренія правительства, то подобный порядокъ не можетъ быть допущенъ. Эти удостовѣренія правительственныхъ властей *обойдутся слишкомъ дорого* и крестьянамъ, и помѣщикамъ, но нисколько не обезпечатъ ни быта крестьянъ,

ни интересовъ правительства. Подобное вмѣшательство въ хозяйственныя дѣла частныхъ лицъ есть уже правительственная опека, несовмѣстная съ началами самоуправленія и совершенно безполезная, потому что нормальныя высшія цѣны оброковъ будутъ утверждены правительствомъ заранѣе.

При существованіи крѣпостнаго права правительство необходимо должно было разсматривать всѣ условія освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, потому что крестьяне могли принять на себя весьма тягостныя условія по одному стремленію къ свободѣ; но учреждать такую опеку надъ людьми свободными нѣтъ никакой надобности.

Въ настоящемъ случаѣ крестьяне лучше всѣхъ обсудятъ свои выгоды и невыгоды.

3) "*Средства къ постепенному совершенію выкупной операціи.*" Коммиссія утверждаетъ, что выдача помѣщику части выкупнаго капитала наличными деньгами необходимо обусловливается увеличеніемъ денежныхъ знаковъ. Но почему же это? Неужели губернскіе коми-

теты могли когда нибудь имѣть въ виду, что правительство съ этою цѣлію выпуститъ новыя безпроцентныя бумаги, отъ огромнаго количества которыхъ страдаетъ и теперь вся Россія? Я полагаю также, что выдача нѣкоторой части капитала наличными деньгами дѣйствительно необходима, но вовсе не думаю, чтобы эта мѣра обусловливалась выпускомъ новыхъ ассигнацій, или увеличеніемъ денежныхъ знаковъ посредствомъ внѣшняго займа. Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ можно обойтись тѣми денежными знаками, которые уже находятся въ обращеніи. Чтобы реализировать наличный капиталъ, необходимый для этой выдачи можно употребить другія мѣры: 1) Можно воспользоваться всѣми свободными общественными и правительственными капиталами, временно остающимися безъ употребленія въ различныхъ вѣдомствахъ; 2) Можно сей часъ приступить къ продажѣ нѣкоторой части государственныхъ имуществъ (на этотъ разъ довольно 1/40); 3) Остановиться постройкою всѣхъ общественныхъ и казенныхъ зда-

ній, для которыхъ суммы собираются или уже собраны; 4) Воспользоваться нѣкоторыми излишками по государственному бюджету, если они имѣются; и наконецъ 5) Можно прибѣгнуть къ внутреннему займу. При гласномъ управленіи финансовой операціей, мѣры эти конечно могутъ доставить помѣщикамъ все, что имъ нужно для первоначальнаго обзаведенія хозяйствомъ при наемномъ трудѣ (отъ 15 до 20 р. на душу).

Далѣе слѣдуютъ предположенія особой финансовой коммиссіи "*объ удержаніи выкупныхъ сдѣлокъ въ предѣлахъ строгой постепенности и объ учрежденіи очередей въ утвержденіи предъявленныхъ сдѣлокъ*," давая преимущество обширнымъ мѣстностямъ передъ отдѣльными имѣніями, "*сдѣлкамъ, болѣе выгоднымъ для крестьянъ передъ менѣе выгодными* и мелкимъ имѣніямъ передъ значительными.

Подобныя мѣры могутъ вести помѣщиковъ къ совершенному раззоренію тѣмъ болѣе, что все положеніе Редакціонныхъ коммиссій ставитъ помѣщика въ необходимость приступить къ

выкупу. Каково же будетъ положеніе помѣщика, если и по составленіи договора о выкупѣ, утвержденіе его отложится на неопредѣленное время на томъ основаніи, что имѣніе не подходитъ подъ условія очереди, совершенно независящія отъ его воли? Какъ назвать подобный образъ дѣйствій со стороны правительства? Вѣдь допустить подобное положеніе можно только съ намѣреніемъ совсѣмъ парализировать всѣ хозяйственныя распоряженія помѣщика и этимъ вынудить огромныя жертвы? И гдѣ же будетъ конецъ этимъ жертвамъ? Такія правила должны открыть конкуренцію въ пожертвованіяхъ и низвести всю выкупную операцію на степень раздачи милостыни погорѣвшимъ. Но я опять спрашиваю : гдѣ же тутъ добровольный выкупъ на условіяхъ также добровольныхъ? Я его рѣшительно не вижу. Да и кто же будетъ судить о томъ, въ какой мѣрѣ выгодны условія выкупа? Для сравненія этихъ выгодъ правительственнымъ учрежденіямъ необходимы правила. Нельзя же допустить въ этомъ случаѣ произвола: онъ повлечетъ бездну злоупотребле-

ній. Но спрашивается, возможно ли составить эти правила? Мнѣ кажется это будетъ не такъ легко, какъ составленіе очередей погорѣвшимъ для полученія милостыни. Наконецъ, имѣнія, состоящія на барщинѣ вовсе отстраняются отъ очереди, пока крестьяне не будутъ переведены на оброкъ, и только тогда вводятся въ очередь, когда въ теченіе извѣстнаго періода времени будутъ исправно платить оброки. Но состояніе на барщинѣ не имѣетъ вовсе никакого отношенія къ возможности крестьянъ уплачивать денежную повинность. Оно является вслѣдствіе произвольнаго хозяйственнаго распоряженія помѣщика и не имѣетъ никакого значенія. Почему же лишать помѣщика и крестьянъ права воспользоваться выгодами выкупа немедлено по прекращеніи барщины? Я полагаю, напротивъ, что если уже заводить непремѣнно очередь, то имѣнія, состоящія на барщинѣ, должны получить преимущественно предъ другими право воспользоваться выгодами кредита, во-первыхъ, потому что крестьяне немедленно получаютъ право располагать свободно

своимъ трудомъ, что выгодно для всего государства; во-вторыхъ, потому что помѣщичье хозяйство, при уничтоженіи натуральныхъ повинностей, нуждается въ капиталѣ, а поддержаніе помѣщичьихъ хозяйствъ необходимо также въ видахъ общей государственной пользы. Что же касается до трехъ-лѣтняго періода, который будто бы нуженъ для того, чтобы указать исправность крестьянъ въ платежѣ оброка, то это предположеніе лишено всякихъ основаній. Срокъ этотъ ничего не докажетъ, потому что помѣщикъ, желающій выкупа, и въ особенности тамъ, гдѣ крестьяне платятъ съ большими недоимками, всегда объявитъ, что онъ получалъ оброки исправно, и противъ такого объявленія не будетъ ни одного крестьянскаго голоса, потому что оно выгодно для обѣихъ сторонъ. Дѣйствовать такимъ образомъ, значитъ идти ощупью въ такомъ дѣлѣ, гдѣ нуженъ вѣрный, ясный взглядъ и рѣшительность. Къ чему приведетъ такой образъ дѣйствій? Онъ оттянетъ реформу, благодѣтельную для всего государства, на неопредѣленное время и приведетъ къ по-

терѣ вѣрныхъ милліоновъ, которые бы дала народная производительность при освобожденіи труда, пока дѣлаются грошевыя разсчеты, и все таки не спасетъ грошей, необходимыхъ для гарантіи выкупа. Онъ не обезпечиваетъ нисколько правительство и между тѣмъ ставитъ помѣщика въ невозможность уничтожить обязательный трудъ, лишая его оборотнаго капитала. Наконецъ онъ даже заставитъ помѣщиковъ запустить поля, потому что барщина свободныхъ людей невозможна на практикѣ. Что же будетъ съ видами правительства о поддержаніи помѣщичьихъ хозяйствъ? Всѣ эти неудобства являются въ положеніяхъ коммиссіи именно потому, что немедленный и обязательный выкупъ—единственное средство разрѣшенія вопроса — представляется какимъ то страшнымъ пугаломъ, способнымъ погубить Россію. Но что же можетъ быть страшнаго въ единовременномъ выпускѣ кредитныхъ процентныхъ бумагъ на 300—400 милліоновъ. Я спрашиваю: почему же не погибла Россія, когда было выпущено слишкомъ 400 милл.

безпроцентныхъ кредитныхъ знаковъ? А вѣдь всякой согласится, что выпускъ безпроцентныхъ бумагъ гораздо страшнѣе выпуска процентныхъ. Процентныя бумаги никогда не имѣютъ такого вліянія на денежный курсъ, а при извѣстной высотѣ процента ихъ биржевая цѣна не подвергнется значительнымъ колебаніямъ. Я не говорю уже о томъ, что курсъ государственныхъ бумагъ зависитъ много отъ цѣли, для которой они выпускаются, и что между войной и освобожденіемъ крестьянъ большая разница.

Многіе подумаютъ, что я защищая необходимость обязательнаго выкупа и говоря противъ предположеній коммиссій о косвенныхъ принудительныхъ мѣрахъ къ такъ называемому добровольному выкупу, спорю объ однихъ словахъ, потому что въ сущности дѣло состоитъ въ томъ, чтобы выкупъ состоялся, а не въ томъ, какимъ именемъ онъ будетъ названъ. Я слыхалъ не разъ это возраженіе, и предполагая, что оно можетъ представиться при чтеніи моей записки, считаю необходимымъ указать на

существенную разницу между тѣмъ и другимъ способомъ выкупа.

Обязательный выкупъ земельной ренты есть мѣра вполнѣ законная, справедливая въ отношеніи обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, недопускающая никакихъ недоразумѣній, и ведущая прямо къ предположенной цѣли. Право капитализаціи и выкупа безсрочной ренты давно признано за правительствами всѣхъ странъ и народовъ. При выкупѣ ренты, обѣ заинтересованныя стороны получаютъ несомнѣнныя выгоды; право собственности помѣщиковъ нисколько не нарушается, ибо все дѣло состоитъ въ замѣнѣ одного предмета другимъ равноцѣннымъ, а крестьяне получаютъ полное право собственности на землю, не дѣлая для этого никакихъ особыхъ пожертвованій.

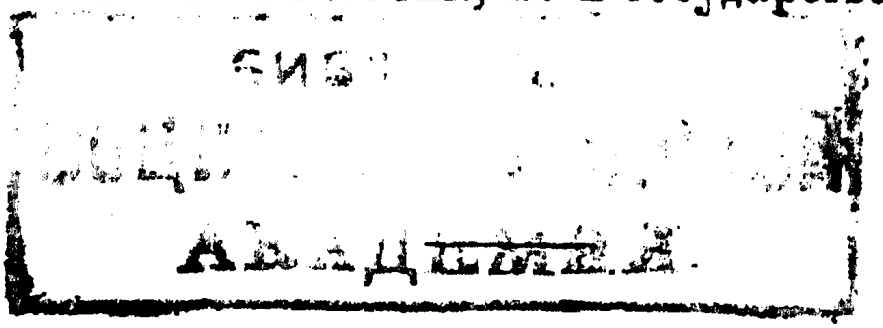
Законъ предписываетъ одной сторонѣ отдать извѣстный предметъ за извѣстное вознагражденіе, а другой вносить ежегодно опредѣленную сумму, а потому никакихъ недоразумѣній нѣтъ и быть не можетъ. Всѣ знаютъ въ чемъ дѣло, и понимаютъ цѣль правительства. Совсѣмъ

другое представляетъ "*добровольный*" выкупъ, предположенный Редакціонными коммиссіями. Онъ вовсе не походитъ на мѣру, принимаемую въ видахъ государственной необходимости, и потому долженъ возбудить недоразумѣніе и недовѣріе къ самой операціи. Объявляя добровольный выкупъ, но поощряя соглашенія помѣщиковъ съ крестьянами, правительство какъ бы отказывается отъ тѣхъ обязанностей, которыя оно *должно* принять на себя въ дѣлѣ государственной необходимости, и поставляетъ эту мѣру на ряду съ простыми частными сдѣлками. Въ такомъ случаѣ, выкупъ представляется народу дѣломъ личныхъ, филантропическихъ побужденій и потеряетъ истинное значеніе; и съ этой точки зрѣнія уже не могутъ быть оправданы никакія дѣйствія правительства, которыя клонились бы къ отчужденію чьей либо собственности. Одно это обстоятельство уничтожаетъ всякое довѣріе къ правительственнымъ мѣрамъ. Помѣщики имѣющіе право изъявлять или не изъявлять согласія на выкупъ, но поставленные въ безвыходное по-

ложеніе, увидятъ себя въ какой то западнѣ, какъ будто нарочно устроенной для того, чтобы правительство могло *вынудить* отъ нихъ огромныя пожертвованія и не исполнить своихъ обязанностей относительно вознагражденія ихъ за отчуждаемую собственность, оставивъ ихъ договоры на степени частныхъ сдѣлокъ. Крестьяне, зная о видахъ правительства и услышавъ о выкупѣ по добровольнымъ соглашеніямъ, не повѣрятъ вовсе, что это распоряженіе правительства, а примутъ его, какъ изобрѣтеніе помѣщиковъ. Затѣмъ, послѣдствія этой мѣры очевидны. Разумѣется, дѣло не можетъ кончиться добровольными соглашеніями. . . . .

Зачѣмъ же правительство будетъ рисковать спокойствіемъ цѣлаго государства, и не обратится къ законному обязательному отчужденію отводимой крестьянамъ земли? Неужели изъ опасенія нарушить право частной собственности землевладѣльцевъ? Я не говорю уже о томъ, что обязательный выкупъ не представляетъ вовсе нарушенія этихъ правъ, потому что правительство, отчуждая собственность въ видахъ

государственной необходимости, возлагаетъ на себя обязанность замѣнить ее равноцѣннымъ капиталомъ. Но если бы въ этомъ было нѣкоторое нарушеніе права частной собственности, неужели можно изъ этого рисковать спокойствіемъ государства и подвергать цѣлую страну бѣдствіямъ, при которыхъ еще болѣе пострадаютъ тѣже частныя права? Конечно, право частной собственности должно почитаться священнымъ, но есть и другія права, которые выше, важнѣе и священнѣе права собственности. Къ числу такихъ правъ принадлежитъ право жизни и разумно-свободной дѣятельности. Этому праву должно всегда уступать право частной собственности, а въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда оно служитъ преградою не только частной жизни, но и государственной.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ издателей III

СООБРАЖЕНІЯ ПО ДОКЛАДАМЪ
РЕДАКЦІОННЫХЪ КОММИССІЙ

I.

По докладамъ административнаго отдѣленія ... 3

II.

По докладамъ хозяйственнаго отдѣленія 77

III.

По докладамъ юридическаго отдѣленія 157

IV.

Записка о предварительныхъ соображеніяхъ особой финансовой коммиссіи по крестьянскому дѣлу... 163

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ

5, Thornhill Place, Caledonian Road, London, N.